

ОТ РЕДАКТОРА [1.htm](#) *александр асмолов*

полемика

**ОБ ОПАСНОСТИ
«МОНИСТИЧЕСКОГО
ВЗГЛЯДА НА ИСТОРИЮ»** [2.htm](#) *григорий померанц*

**СИЛА НЕ ПРЕВЫСИТ
МУДРОСТЬ** [3.htm](#) *акоп назаретян*

ПСИХОЛОГИЯ ЗАВИСТИ [4.htm](#) *елена соколова*

**ЛЮБИТЕ ДЕТЕЙ ДОЛГО И
НУДНО...** [5.htm](#) *vladimir lanцberg*

**ВОПРОС В ОЖИДАНИИ
ОТВЕТА** [6.htm](#) *фазиль искандер
светлана кривцова
юрий рост, юрий энтин,
вадим абдрашитов, вероника
долина,
шалва амонашвили,
мира тодоровская, юрий азаров,
vladimir dashkevich, igorь kиo*

ВОСПИТАНИЕ ДУШИ [7.htm](#) *vladimir zинченко*

О «НАШЕМ» ВРЕМЕНИ [8.htm](#) *дмитрий кавтарадзе*

НАКАЗЫВАТЬ... ЛЕГКО [9.htm](#) *маргарита жамкочьян*

ЛОБЕЛИЯ ДОРТМАНА [10.htm](#) *анатолий цирульников*

**МАЛЕНЬКОЕ ПРАВИЛО
КРУПНОЙ ССОРЫ** [11.htm](#) *ольга филипповская*

ФИЛОСОФИЯ НАВЫКА [12.htm](#) *светлана кривцова*

ИЗ ДЕВОЧЕК В ДЕВУШКИ [13.htm](#) *ирина прусс*

СМИ-рение..? [14.htm](#) *ирина хоменко*

«АПОКАЛИПСИС» УСТАЛ [15.htm](#) *елена дьякова*

ПРАВО НА ГНЕВ [16.htm](#) *фазиль искандер*

ОТ РЕДАКТОРА | *александр асмолов*

Предают только преданные люди.
Предают только те, кого любишь.
Предают только те, кого принимаешь.
Предают только близкие и свои.

Предать могут и родители, в которых дети верили больше, чем в самих себя.

Предать могут дети, в которых родители растили и видели свои несбывшиеся мечты.

Предать могут учителя, словам, движениям и мыслям которых, затаив дыхание, внимали их преданные ученики.

Предать могут ученики, которые сегодня с предыханием смотрят на своих учителей, а завтра равнодушно и холодно выбрасывают их из своей памяти.

Предать могут и друзья, которые не доносили, не обвиняли, а просто промолчали, когда через вас перешагнули другие. Вспомните пронзительно-точные строки Александра Галича: “Вот так просто попасть в палачи: промолчи, промолчи, промолчи...”

И вопреки расхожей истине, что боль от предательства горька в трудную минуту, поверьте, что предательство в легкую минуту ранит ничуть не меньше, а порой ещё острее коверкает твою судьбу. Поэтому остерегайтесь предательства по мелочам, которое по своей психологической анатомии как две капли воды похоже на предательство в трудную минуту.

И если когда-нибудь для любимых детей, родителей и учителей появятся человеческие книги о психологии жизни, то в них главы “Психология преданности” и “Психология предательства” будут соседствовать друг с другом. А мы обещаем, дожив вместе с вами, дострадав вместе с вами, долюбив вместе с вами и вместе дописав десятый номер нашего журнала, и дальше не расставаться с теми, кто нас принял и полюбил. С теми, кто в нас поверил.

Мы напишем вам и о психологии любви, и о психологии зависти, и о психологии преданности, и, конечно, о психологии предательства. Напишем с надеждой, что кто-то из наших читателей станет зорче и ближе к болям и радостям преданных людей. И тогда он, быть может, не испытает отчаяния от самого разрушительного из предательств... предательства самого себя. |

ОБ ОПАСНОСТИ “МОНИСТИЧЕСКОГО ВЗГЛЯДА НА ИСТОРИЮ”

Григорий Померанец

Мне не дает покоя статья, опубликованная в седьмом номере журнала, – “Заметки о человеческой агрессивности”. Ворочаясь, я сочинил ответ. И мне ничего не оставалось, как изложить его на бумаге.

“Вот что важно по большому счету, – пишет автор статьи, – в каких формах совершается агрессия и насколько эти формы адекватны социальной ситуации. Чтобы сказанное было понятнее, назову несколько имен, носители которых, судя по их жизнеописанию, имели запредельно высокий уровень агрессивности: Иисус Христос, Магомет, Христофор Колумб, Людвиг ван Бетховен, Владимир Ильич Ленин, Адольф Гитлер...”

По-моему, в этом списке не хватает Будды. Тогда было бы еще понятнее. Видимо, автор смешивает всякую активность с агрессивностью. Активность любви, артистического вдохновения, воли к власти – все под одну гребенку. Я прочел и увидел, что не надо, не надо создавать еще один “монистический взгляд на историю”. Достаточно эксперимента с экономическим фактором, который тоже все объяснял.

Граница проходит не столько между человеком и животным (эта граница действительно “прозрачна”), сколько между статистически средним человеком и “сильно развитой личностью”, как выразился Достоевский (ср. “Зимние заметки о летних впечатлениях”, глава “Опыт о буржуа”). Норма животного – среднестатистическое животное, норма человека – “сильно развитая личность”. Это открытие повторяется из века в век. Человек присужден тянуться вверх; иначе он очень быстро опускается вниз, ниже хорошей собаки или лошади.

В человеке сосуществуют и борются два “я”: я – эго и я – атман (которое неотделимо от Брахмана; или, в другой культуре, Я, которое одно с Отцом). Активность малого “я” – всегда агрессия. “Другой отнимает у меня мое пространство. Существование другого – недопустимый скандал” (Сартр). Иногда агрессия может быть полезна для общества (здесь я соглашусь с автором статьи). Еще в XVIII веке было замечено, что частные пороки иногда ведут к общему благу (это утверждал Бернард де Мандевиль в своей “Басне о пчелах”). На малое “я” и сегодня опирается реклама. Но очень разные мыслители, Поппер и Гадамер, согласны в своей критике современного телевидения. Господство малого “я” опустошает и разрушает личность. А вслед за ней неизбежно погибнет и общество.

Мне трудно отказаться от желания процитировать автора, стоящего вне науки, но не вне истории человеческой мысли: “Когда общество составляют люди, не знающие внутреннего покоя, его больше не связывает любовь и поэтому его связывает насилие...” (Т.Мerton. *Thought in solitude*. N.Y. 1956 (1993). Впрочем, удержусь. Иначе можно переписывать Мертона страницами. Особенно сильно звучит критика малого “я” в более поздней его книге “Новые семена созерцания”.

Поразительно, что Мертона у нас до сих пор не переводят. Его “Семярусная гора” разошлась в 20 миллионах экземпляров и переведена на двадцать языков. Ее сравнивали с “Исповедью” Августина. Но в отличие от Августина поздний Мертон с трудом укладывается в рамки католицизма. Еще меньше, чем “Проповеди и рассуждения” Мейстера Экхарта. Однако это не приблизило его к научному мировоззрению. В “Новых семенах созерцания” он убедительно показывает неспособность научной психологии понять “созерцание”, непосредственно пережитое им (примерно это Кришнамурти называл “безымянным переживанием”). Мне кажется, ученым следовало бы знать не только свою науку, но и критику науки людьми, опыт которых недоступен науке. Чтобы понять человека, одной науки мало.

Мертон с захватывающей силой показывает борьбу малого “я” с большим “Я”. Мне хочется прибавить к “Новым семенам созерцания” только одну метафору. Представьте себе океан вроде того, который мы видели в картине “Солярис”. Океан мыслящий, чувствующий, превосходящий ум человека. Этот океан в моей метафоре соприкасается с сушей. Граница изрезана заливами. Каждый залив – одно с океаном, но у него неповторимые берега, неповторимые очертания. Он одно с океаном, но не равен ему, как не равна океану капля, как не равен Отцу Сын (так по Евангелию: Отец мой более Меня).

Ребенок всего этого не сознает. Он то чувствует океанский прилив и ликует, то обмарался и плачет. Потом целостность восприятия рассыпается на знание предметов, и чувство связи с океаном рушится. Оно противоречит логике. Залив превращается в озерко, в лужицу, а иногда и в сухие солончаки.

Водоем, отделенный от океана, – эго. Но иногда остаются смутные воспоминания об океане, тоска по океану, иногда их поддерживает метафорика древнего опыта. В иные минуты отмель, загородившая залив, прорывается изнутри или извне, и волны подхватывают нас.

В каждой великой культуре есть образ, ассоциативно связанный с океаном. Этот образ создает не агрессия. Его создает любовь. И на образах, созданных любовью, держится “вертикаль” культуры, призыв “вверх”.

Люди слабы и часто падают. Но призыв “вверх” противостоит разрушительным силам обособленности, страха и ненависти. Высший образ, где все мы – одно, поддерживает равновесие личности и общества, как центростремительное движение уравнивает центробежное, как “Магдалина” Пастернака противостоит “Путешествию из Москвы в Петушки” или позднему Бродскому, который сам себя назвал “центробежным поэтом”.

Культура не может обойтись без веры в нечто научно необоснованное, подтвержденное только опытом какого-нибудь апостола Павла, написавшего: “Я умер, жив во мне Христос”.

Во многих практических делах мы вынуждены забывать об океане. Но одна из задач воспитания – передать детям память об океане и не ставить Христа рядом с Гитлером. Жизнь на уровне непрерывности связи с океаном – Божий дар. Смешивать его с агрессией – все равно что сравнивать Божий дар с яичницей. Активность эго рассыпается по сетке, по тысяче направлений и ведет к хаосу. Энергия океанической любви уравнивает распад и восстанавливает цельность мира. |

СИЛА НЕ ПРЕВЫСИТ МУДРОСТЬ

а.назаретян

Я, автор “Заметок”, напечатанных в седьмом номере журнала “Педология. Новый век” и огорчивших Григория Соломоновича, начну с признания в глубоком уважении к нему как выдающемуся культурологу, историку и философу. В книгах, статьях и лекциях часто цитирую фрагмент статьи, который помню наизусть. “История – это прогресс нравственных задач. Не свершений, нет, – но задач, которые ставит перед отдельным человеком коллективное могущество человечества, задач все более и более трудных, почти невыполнимых, но которые с грехом пополам все же выполняются (иначе все бы давно развалилось)”.

Итак, если все пока не развалилось, значит, люди до сих пор, пусть с грехом пополам, как-то компенсировали возрастающее технологическое могущество. Больше того, в “Заметках” рассказано о расчетах, демонстрирующих, что с ростом убойной силы оружия и плотности проживания людей процент насильственных жертв от общей численности населения не только не возрастал, но и сокращался.

За счет чего же это достигалось? Усиливалась взаимная любовь между людьми? Я бы очень удивился, узнав, что Григорий Соломонович действительно так думает. Но если нет, то приходится указать на логическое противоречие в его концепции. Коль скоро люди, обретая все более мощные средства взаимного уничтожения, все реже прибегали к примитивному физическому насилию, не становясь при этом более любвеобильными, следовательно, дело вовсе не в любви. Совершенствовались какие-то иные средства согласования интересов.

Каким образом это происходило, и почему цивилизация на нашей планете все еще существует и развивается несмотря на множество пережитых кризисов и катастроф, стало яснее после того, как был сформулирован закон техно-гуманитарного баланса. Оказывается, на протяжении всей истории и предистории человечества действовал контролирующий механизм отбора социальных организмов на жизнеспособность. А именно: те общества, в которых, грубо говоря, сила превышала мудрость, систематически выбраковывались Историей.

История при этом не мистическая сущность или суровый богоподобный субъект: механизм отбора проще и драматичнее. Общество, нарушившее баланс между наличным технологическим потенциалом и качеством гуманитарной культуры, подрывает природные и (или) политические основы своего существования и становится жертвой собственного некомпенсированного могущества.

Короче говоря, люди до сих пор не истребили друг друга и не разрушили природу благодаря тому, что им в конечном счете удавалось адаптировать свои сознание, мораль, право и прочие механизмы социальной регуляции к возрастающим технологическим возможностям. Новые орудия производства и разрушения, вызывая возрастающее экологическое и (или) геополитическое напряжение, со временем влекли за собой либо надлом и распад общества, либо перестройку системы ценностей и норм деятельности. Средства сдерживания, сублимации, канализации агрессии умножались и совершенствовались – а тем самым мир становился не только относительно безопаснее, но и внутренне динамичнее. К настоящему времени описано не менее шести глобальных культурных революций, каждая из которых становилась вехой общечеловеческой истории. (Я об этом подробно писал в книге “Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории”, изданной в Москве издательством ПЕР СЕ в 2001 году.)

А как же любовь? Поскольку Григорий Соломонович призывает отвлечься от собственно науки, не стану приводить данных, свидетельствующих о том, что любовь – тоже превращенная форма агрессии. Подчеркну другое: возлагая на эту вольную своенравную даму не свойственные ей прагматические функции, мы саму ее выхолостим и умертвим, а общество обречем на новые беды.

Древнегреческий философ Эмпедокл, вероятно, первым показал, что мир тотальной любви крайне неустойчив. Вместе с противоречиями и конфликтами в нем прекращаются события; скука актуализует оборотную сторону любви, и тотальная ненависть взрывает такой мир до основания. Так был философски угадан закон амбивалентности эмоций, о котором в последующем размышляли поэты. (“Все, все, что гибелью грозит, / Для сердца смертного таит / Неизъяснимы наслаждения...”), а спустя две с половиной тысячи лет – и профессиональные психологи.

Разве мировая история или история нашей страны не изобилует наглядными политическими иллюстрациями глубокой сопряженности любви и ненависти? Не любовь ли к человечеству и не жажда ли самопожертвования во имя всеобщего счастья толкали большевиков на подвиги? Не человеколюбивой ли философией Руссо руководствовались фанатик Робеспьер и якобинцы, дошедшие до того, что вырывали плоды из утробы беременных аристократок, нанизывали их на штыки и дефилировали по Парижу, размахивая этими чудовищными “знаменами”? И не любовь ли к Богу вдохновляла толпы христиан на разрушение античных храмов, избивание камнями статуй, растерзание живьем греческих философов?..

В “Заметках о человеческой агрессивности” не случайно приведены слова известного ученого о том, что вовсе не ненависть, а любовь, альтруизм служат психологической подоплекой войны. Добавлю, кстати, что те учения, в которых акцент ставился на любви, на истине, на исконной человеческой доброте и т.д. (Христос, Руссо, анархисты, коммунисты, православные философы-монархисты), очень часто оборачивались жестокими катаклизмами. А конкурирующие с ними учения способствовали совершенствованию социальных отношений.

Так, циничный Макиавелли заставил впервые усомниться в манихейских приемах демагогии, когда любая политическая мерзость (призывы к войне, к истреблению иноверцев и проч.) мотивировалась исключительно моральными соображениями, любовью к ближнему или к Богу. Надменный Гоббс, настаивавший на неустрашимости человеческого эгоизма и необходимости взаимного контроля, внес решающий вклад в теорию и практику демократического разделения властей. “Этот ужасный Фрейд” (так назвала великого ученого современная ему газета) создал приемы психотерапии, которые помогли ослабить социальные неврозы и регулировать конфликты...

Насколько я понял, самое сильное неудовольствие Григория Соломоновича вызвало то, что в “Заметках” Христос упомянут в списке людей – пророков, художников, политиков, авантюристов – с очень высоким уровнем агрессивности. Понятно, для верующего христианина это неприемлемо, равно как для мусульманина или коммуниста (ибо в списке присутствуют Магомет и Ленин). Но ведь я писал текст не для религиозного, а для научно-популярного издания, и для меня как ученого Библия, Коран или произведения наших родных классиков не откровения, а документы.

Читая, скажем, Новый Завет глазами психолога, мы видим перед собой образ живого человека, реального или вымышленного. И тогда бросаются в глаза не только обидные выражения, угрозы и посулы, коими то и дело осыпает герой своих восторженных учеников. И не только содержание его речей: “Не мир пришел Я принести, но меч”; “Предаст же брат брата на смерть, и отец – сына, и восстанут дети на родителей и умертвят их”; “Продай одежду свою и купи меч” и т.д. И даже не конкретные действия типа изгнания менял из храма, которые теперь назвали бы погромом, а участвующих в нем людей – агрессивной толпой.

Есть более важное обстоятельство. Многолетний опыт работы в психологии дает мне некоторое представление о том, какими глубокими личностными комплексами надо обладать и какие гиперкомпенсаторные механизмы задействовать, чтобы ощутить себя единственным сыном Бога, носителем Истины, рожденным не от римского солдата (как сообщают нехристианские источники), но от Духа Святого...

Чуть ли не первое, что сделали христиане, добившись власти в Риме, – создали (усилиями Блаженного Августина) концепцию священных войн. Для этого в Библии, как и в любом богооткровенном учении, имелось более чем достаточно оснований.

Различие между религиями, которое очень часто гипертрофируется, в действительности гораздо поверхностнее, чем сходство между ними. Каждая из них теми или иными словами требует: “Не убий” – и тут же ограничивает сферу применимости этого требования: “Кто не со Мною, тот против Меня”. “А когда встретите тех, которые не уверовали, – вторит Христу Магомет, – то – удар мечом по шее; а когда произведете великое избивание их, то укрепляйте узы”. В политике эту мысль проще всех выразил Ленин: “Прежде чем объединиться, нам надо размежеваться...”

В этом и состоит лейтмотив всякой религии. Объединение через размежевание, солидарность, выстроенная на образе врага. Сказанное чуть менее выражено в средневековых религиях (Григорий Соломонович не случайно вспомнил Будду), но исследователи отмечают, что и буддийская идеология, подобно исламской, “разделяет весь мир на правоверных (область мира) и неверных (область войны)” (В.И. Корнев).

Только такие, достаточно двусмысленные учения, сочетавшие в себе призыв к любви между своими с требованием ненависти к чужим, и становились по большому счету востребованными. Учения же, отвергавшие социальное полностью, оставались достоянием эзотерических сект (типа квакеров).

Причина этого обстоятельства, в общем-то, ясна. Войны отвечали глубинным социальным и психологическим потребностям людей, и историческая задача религий состояла в упорядочении насилия. Значительно более трудная задача устранения политического насилия впервые встала перед человечеством, приобретающим небывалые средства взаимного истребления, только в самые последние десятилетия. Поэтому сохранение цивилизации в значительной мере зависит от того, успеют ли люди “вырасти” из религиозного мышления, прежде чем сочетание инфантильного ума с взрослой мускулатурой обернется необратимыми последствиями...

И.Кант разделил благие человеческие поступки на две категории: красивые и моральные. Первые совершаются по душевной склонности, из любви или симпатии. Вторые – вопреки эмоциональному порыву, из чувства долга, ответственности, дисциплины. Красивые поступки приятны и желанны, но на них не построить надежных социальных отношений (в поисках дантиста, который нас полюбит, мы рискуем остаться без зубов).

Поэтому общество тысячелетиями вырабатывало и совершенствовало более надежные, чем своевольная “любовь”, механизмы консолидации: мораль, право и правовое сознание, самоконтроль, взаимоуважение, терпимость, взаимопонимание, чувство ответственности, личной, профессии интеллектуальной долга. Анализ показывает, что все это генетически оскрошено на развитии интеллектуальных способностей, умения оценивать отсроченные последствия. По-моему, главную проблему современного человечества составляет дефицит не любви, а именно разума, трезвого самостоятельного мышления... |

ПСИХОЛОГИЯ ЗАВИСТИ *елена соколова*
 – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии факультета психологии МГУ, автор книги “Тринадцать диалогов о психологии”.

*Не старайся облажить зависть,
 А делай то, что кажется тебе нужным.*

Бабрий, греческий баснописец, II в. до н.э.

*Человек, всецело преданный
 своему искусству,
 не имеет ни помышления,
 ни времени быть завистливым.*

Пьер Буаст, французский лексикограф и моралист первой половины XIX века

Вероятно, я не ошибусь, если скажу, что чувство зависти испытывал хоть раз в жизни каждый из нас, но не каждый имеет смелость в томи признаться. И это не случайно. Подавляющее большинство пишущих о зависти оценивают это чувство как однозначно отрицательное, как порок, с которым необходимо бороться. Ведь зависть, как это определяют толковые словари В.И.Даля и С.И. Ожегова, – это досада, вызванная благополучием, успехом, счастьем другого. Увидев однажды завистника в мрачном настроении, философ-киник Бион обратился к нему со словами: “Не знаю, то ли с тобой какая-нибудь неприятность приключилась, то ли у другого – радость”. Рене Декарт и Барух (Бенедикт) Спиноза считали зависть видом ненависти, которая разрушает человека изнутри.

Переживания завистника действительно весьма мучительны. “Он поет по утрам в клезете. Можете представить себе, какой это жизнерадостный, здоровый человек”, – так начинается роман Юрия Олеши “Зависть”, и это утреннее пение одного из его персонажей Андрея Бабичева (наряду со многими другими его действующими) становится предметом мучительной зависти главного героя романа – Николая Кавалерова, не найдшего себя в новой жизни и способного лишь на злобное брюзжание. Поразительно точно показывая Олеша разрушение личности человека, охваченного чувством зависти, искажение его образа мира. Кавалерову кажется, что даже вещи его не любят: “Мебель норовит подставить мне ножку. Какой-то лакированный угол однажды буквально укусил меня. С одеялом у меня всегда сложные взаимоотношения. Суп, поданный мне, никогда не остывает...”. А вот того, кому он завидует, с раздражением констатирует Кавалеров, “вещи любят”.

Еще Рене Декарт отмечал, что у завистника меняется даже цвет лица: он обычно бывает свинцовым, “то есть смешанный из желтого с черным, точно цвет крови мертвеца, почему зависть по-латыни носит название livor, то есть синева”. Мне встречались также иные ответы на вопрос “какого цвета зависть”. В народе выделяют черную и белую зависть, в одной из детских сказок мне встретился персонаж, который пожелтел от зависти и умер; говорят также: “позеленеть от зависти”, а в Китае зависть называют “болезнью красных глаз”. В общем, для обозначения цвета зависти (точнее, цвета лица завистника) используется едва ли не вся цветовая палитра, – но все эти цвета неестественны для обычного человеческого лица, лица человека, не испытывающего зависти. Зависть, как и любой другой отрицательный аффект, согласно Спинозе, приводит душу к меньшему совершенству и уменьшает способность тела к действию; французский исследователь Ж.Дескюре подчеркивал, что зависть ведет к ряду нервных и душевных заболеваний.

Но есть и известный “положительный” компонент этого чувства. Русский психолог XIX века Н.Я.Грот пишет, что чувство зависти – это чувство уважения (к родителям, другим людям), которое складывается в свою очередь из чувств красоты, интереса, симпатии и чувства собственного бессилия. Очень похоже определяет зависть французский драматург и баснописец XVIII века Антуан де Ламотт: зависть – невольная дань уважения, которую ничтожество платит достоинству. Направляется мысль о неоднородности того чувства, которое называется завистью (мы уже упоминали о бытующем в народе разделении белой и черной зависти). С этим же связана дискуссия о том, является ли зависть всегда пороком или нет. Декарт, в частности, выделяет справедливую и несправедливую зависть. Справедливая (морально оправданная) зависть возникает к людям, которые заняли возжеленное нами место, должность или что-то другое, но при этом мы не убеждены, что они достойны этого, или даже знаем, что они могут превратить пребывание в этой должности во зло. Тем самым Декарт возражает Аристотелю, который утверждал, что зависть всегда порочна, а ту, которая “не порочна”, следует обозначать словом “негодование”.

Дескюре, как и Аристотель, считает зависть низменным чувством, отличая ее от “соревнования”, “достойного чувства, зарождающегося в благородном сердце и вызывающего высоким стремлением”. Известны также слова А.С.Пушкина о зависти как сестре соревнования, а потому зависть “хорошего роду”.

Многомерность этого чувства проявляется и в использовании различных терминов для обозначения разных его “граней”. Так, в труде известного польского философа, специалиста в области этики М.Оссовской зависть обозначается термином “ressentiment” (это французское слово широко использовали М.Шелер и Ф.Ницше без перевода на немецкий язык), который дословно переводится на русский как “злоба”, “злопамятность”, тогда как собственно “зависть” в переводе с русского на французский звучит как “envie”. Использование данного термина дает Оссовской возможность подчеркнуть еще одну грань зависти, выходящую за рамки семантического поля термина “envie”, а именно как “склонность к ревнивому контролю за чужой жизнью, моральную нетерпимость к поведению окружающих, даже если они ни в чем не затрагивают интересы тех, кто ими возмущается”.

Таким образом, все исследователи (несмотря на разнообразие трактовок) отмечают, что зависть – чувство сильное, подвигающее человека на самые разнообразные действия, мучительное, фрустрирующее, требующее устранения.

Однако как возникает зависть?

Для ответа на этот вопрос обратимся к некоторым современным работам, в которых затрагиваются проблемы возникновения эмоциональных процессов вообще. Известный психолог XX века А.Н.Леонтьев считал эмоции “непосредственным” (т. е. на уровне переживания, а не рефлексии) отражением отношений между мотивами (потребностями) и успехом или возможностью успешной реализации отвечающей им деятельности человека. Принимая его классификацию эмоциональных явлений на аффекты, эмоции, настроения и собственно чувства, можно отнести зависть к предметным чувствам, к устойчивым, “кристаллизованным”, по образному выражению Стендаля, в предмете эмоциональным переживаниям. Чувства, особенно высшие человеческие чувства, пронизаны интеллектуальным началом, они предполагают оценку, сравнение, анализ ситуаций.

Исходя из этих общих определений механизма возникновения чувств и воспользовавшись феноменологией зависти из работ мыслителей прошлого, можно сконструировать некую абстрактную ситуацию возникновения чувства зависти. Эта ситуация предполагает наличие у человека определенной потребности, не удовлетворенной сложившимися условиями его деятельности, и проведенного им (не всегда на осознанном уровне) сравнения с другим человеком или группой людей, которые беспретентивно (более удачливо) удовлетворяют ту же потребность (причем эту потребность завистник иногда просто приписывает человеку, которому он завидует). В результате данного сравнения он ощущает неравенство со своим “соперником” в каком-либо отношении и собственную ущербность. Объектом зависти становится, как правило, человек, который может быть непосредственно и “не виноват” в неудачах завистника.

Эти необходимые условия возникновения чувства зависти не являются, однако, достаточными, поскольку не объясняют, почему в одних случаях человек испытывает это чувство к своему “сопернику”, а в других нет. Попробуем конкретизировать данную абстрактную ситуацию, рассмотрим характер, количество и качество потребностей человека; уровень и особенно осознания степени неравенства; характер претяствий, мешающих удовлетворению потребности, а также и возможные способы “выхода” из фрустрирующих ситуаций, в частности, формы “борьбы” с чувством зависти.

Итак, самыми различными могут быть потребности, из-за фрустрации которых возникает чувство зависти: практически любая потребность, начиная от самых элементарных витальных и кончая “высшими” (эстетическими, моральными, потребностями в “самоосуществлении”), может стать основой для возникновения чувства зависти. В художественной литературе много примеров зависти на самой различной “почве”: зависть сормовского рабочего Голова к егерскому кавальману пленного полка из рассказа Исаака Бабеля “Их было девять”; зависть князя Андрея к славе Наполеона (“Война и мир” Льва Толстого); зависть Сальери (“Маленькие трагедии” Александра Пушкина) к гению Моцарта; зависть старшего поколения к младшему (из Тютчева “Когда дряхлеющие силы нам начинают изменять...”), зависть уже упоминающего Николая Кавалерова, не найдшего себя в новой жизни, к “свободному самоосуществлению” Андрея Бабичева (из романа Юрия Олеши “Зависть”) и множество других.

В возникновении чувства зависти большое значение имеет проводимое завистником сравнение себя и “соперника”.

У Спинозы читаем: “Всякий завидует только добродетели себе равного”, “одинакового с ним по природе”. Если же мы поражаемся мужеством, мудростью другого человека, но “воображаем эти добродетели присущими единственно ему, а не общими и нашей природе”, то “мы будем завидовать ему не более чем высоте деревьев, храбрости львов и т. д.”. Спиноза выделяет здесь то обстоятельство, что зависть возникает при не слишком большом удалении (в каком-либо отношении) завистника от его “соперника”, т.е. завидуют и в силу этого ненавидят друг друга люди, равные друг другу в принципе, в частности занимающие сходное положение в обществе или чувствующие свое право на такое, а также люди, занимающиеся сходной деятельностью, но различающиеся тем, что в данный момент один имеет некое благо, а другой, который считает, что он имеет на него равное право, не обладает им.

Аналогичные мысли мы находим у английского писателя XVIII века Б.Мандевилля: “Нищий не завидует владельцу, разужезжающему в карете, ибо расстояние между ними слишком велико. Но владелец двуконной кареты лишается сна при мысли о четверном выезде соседа”. Общий итог этим рассуждениям подводит немецкий философ М.Шелер утверждая, что зависть (“ressentiment”) особенно распространена там, где юридическое и политическое равенство сочетаются с экономическим и социальным неравенством.

Кроме осознания объективно существующего неравенства в каком-либо значимом для человека отношении, на возникновение чувства зависти влияет и субъективно представленное ему неравенство. По Спинозе, зависть особенно чувствуют люди, объятые “самоунижением” (т. е. ставящие себя выше других), которые находят удовольствие в бессилии других по сравнению с ними и чувствуют неудовольствие, когда другой человек начинает приближаться к ним по уровню развития способности к действию, и люди, объятые “самоунижением” (т. е. имеющие ложное мнение о себе, что они ниже других).

Во всех случаях осознание человеком объективного и субъективного неравенства тесно связано с оценкой своих возможностей его преодолеть. Это третий фактор, играющий роль в механизме возникновения чувства зависти.

Вот несколько примеров.

1. Если есть объективные – временные или пространственные препятствия, которые не позволяют человеку получить необходимое в данный момент, в данном месте, то зависть к тому, кто обладает этим необходимым, может возникнуть в антагонизм, которое нужно завистнику для достижения им своей цели (если она принципиально достижима). Зависть в известном смысле вынуждает к более скорому достижению цели, и в этом есть определенный “положительный” (для завистника) момент. Вопрос может заключаться в том, насколько и как долго человек может выносить фрустрацию потребности, которую другой рядом легко удовлетворяет.
2. Препятствием для удовлетворения потребности может быть другой человек. Тогда зависть возникает в результате сложной диалектики оценок и самооценок.
3. Есть и объективно существующие препятствия, не преодолимые для отдельного человека. Они могут быть самыми разнообразными – от физического увечья до несправедливого общественного устройства. В последнем случае для уничтожения глубинных корней зависти необходимо коренное изменение общественных отношений, что одному человеку, конечно, не под силу.
4. Препятствием может быть и сам завистник из-за недостаточности или отсутствия у него средств удовлетворения имеющихся потребностей. Используя терминологию П.В.Симонова и П.М.Ершова, здесь можно говорить о “недостаточной вооруженности” человека или отсутствия у него выраженной потребности в вооружении, что может привести к зависти по отношению к тем, у кого эта потребность более развита, и потому они более удачливы. Причин недостаточной вооруженности очень много. Это могут быть и отсутствие условий воспитания и образования, низкая квалификация, и выбор профессии, не соответствующий способностям, и слабость потребности в вооружении, в просторечии “лень”, и доминирование иной потребности, чем та, которая требуется для выполнения определенного вида деятельности (например, вместо познавательной потребности у исследователя доминирует потребность “занять выгодное место”).

Как же “бороться” с завистью, как выходить из ситуаций, в которых она возникает?

Поскольку зависть возникает на основе сравнения себя с другими и ощущения неравенства с ними в каком-либо отношении, наиболее “очевидным” (для завистника) способом выхода из данной ситуации является уравнивание, т. е. достижение истинного или видимого равенства.

Разнообразные способы уравнивания могут быть “пассивными” и “активными”. В первом случае, при отсутствии у индивида возможностей что-либо изменить, меняется лишь субъективная оценка ситуации и тем самым достигается некоторое субъективное (мнимое) равенство (возможно, за счет компенсации – превосходства в каком-то ином отношении) – это пассивные формы “борьбы” с завистью. Во втором – сама ситуация объективно изменяется так, что завистник получает желаемое, и это – активные формы “борьбы”.

К первым относятся действия, которые были известны еще в древности, а у Зигмунда Фрейда они трактуются как формы “защитных механизмов” личности. Не имея возможности даже просто перечислить используемые при этом средства, приведем для примера некоторые из них. Это дискредитация соперника в собственных глазах и глазах окружающих. (Подумаешь, Нинка за “нового русского” замуж вышла! Зато муж у нее – дебил дебилом и занимается какими-то сомнительными делами.) Это дискредитация желаемого предмета по принципу “виноград-то зеленый”. (Не люблю я иномарок. И налог на них огромный, и угонят еще, поди. А мой “Москвичонок” еще завести надо, чтобы угнать...) Это и различные формы самооправдания (“Мне в этот раз просто случайно не повезло”). К этим способам мы можем отнести также компенсацию неудовлетворенных потребностей с помощью алкоголя и наркотиков. (О защитных механизмах личности мы подробно писали в 6-м номере журнала).

Активные действия более эффективно приближают человека к удовлетворению своих потребностей. Уравнивания можно достичь одним из следующих способов: либо стать “таким же”, как соперник, используя все свои возможности и способности; либо “уменьшить” соперника каким-либо образом (лишить, например, собственности, завладев ею, лишить возможности развивать свои таланты и способности и т. п.); либо убить соперника, навсего удастрани имевшееся неравенство.

Существуют, однако, способы “борьбы” с завистью, выходящие за рамки дихотомии “равенства” и “неравенства”. Для их понимания необходимо выйти из рассмотренной выше абстрактной ситуации удовлетворения/неудовлетворения индивидуальной потребности в иерархическую структуру потребностей. “Системообразующим фактором” этой структуры, по мнению многих психологов, является потребность в самоактуализации, самоосуществлении, самореализации. (Мы отвлекаемся сейчас от различий этих терминов и стоящих за ними понятий, чтобы подчеркнуть общность взглядов разных исследователей на суть описываемой реальности).

Самореализация означает прежде всего раскрытие “сущностных” сил человека как неповторимой индивидуальности. Найти свое место в жизни – уникальный способ приложения собственных умений и сил, достичь максимальной совершенства в избранной деятельности – это одновременно и важнейшее средство борьбы с завистью, уничтожения ее в себе. К этой идее многие мыслители приходили уже очень давно. При этом следует учесть еще очень важное дополнение к ней, которое вытекает из концепции современного австрийского психолога и психотерапевта Виктора Франкла. Самореализация человека сама по себе не будет иметь для него смысла, если она не изменяет что-то в другом человеке или общественных отношениях. Поэтому высшая форма человеческих потребностей, считает Франкл, не самореализация (самоактуализация) как таковая (то есть реализация себя), а стремление к смыслу жизни, которое может быть осуществлено лишь в контексте жизни других людей. Тем более что самореализация (и связанное с ней самоутверждение) личности может проявляться не только в позитивных, но и негативных формах, возможно, разрушительных для другого человека.

По моему мнению, глубинной причиной возникновения чувства зависти является именно фрустрация потребности в позитивном самоосуществлении, оказывающем положительное влияние на жизнь окружающих людей и придающем жизни человека большой смысл. Можно сослаться на судьбы многих известных людей, достигших вершин в избранной ими сфере деятельности и начисто лишенных чувства зависти. Так, в одном из недавних интервью известный российский актер Евгений Самойлов, справляющийся в 2002 году свое девяностолетие и до сих пор выходящий на сцену Малого театра, на вопрос о секрете своего творческого долголетия ответил: “Я никогда никому не завидовал”.

Однако выбираемые способы борьбы с завистью не только от желания или личностных особенностей человека, но и от системы общественных отношений, характерных для данного времени и данной социально-исторической общности. Существуют социальные слои, в которых завистливость как личностная черта встречается чаще, чем в других (одна из глав книги М.Оссовской, посвященная психологии разных классов – “Рыцарь и буржуа”, – называется так: “Зависть как мелкобуржуазная черта”). Существуют также определенные типы обществ, которые культивируют зависть и строятся на ней в психологическом плане. Таковым является грубоуравнительный (“казарменный”) коммунизм, черты которого отчетливо проступали в советском обществе. Кстати говоря, именно Карл Маркс называл грубоуравнительный коммунизм “завистью, конституирующей как власть”. В условиях, когда охватывенные завистью люди получили власть, пассивные формы борьбы с нею уже не имели смысла, а из всех активных форм психологически наиболее близким для этих людей было всеобщее уравнивание. Достижение “всеобщего равенства” предполагалось прежде всего путем полного и скорейшего уничтожения частной собственности, уравнивания людей по отношению к оплате труда, нивелировки человеческих способностей различными способами (деформацией образования, которое стало “всеобщим”, отменой экстерната, домашнего обучения, свободы выбора изучаемых предметов) и т.п. Возник порочный круг психологического развития личности и развития общества: недемократическая общественная система всеобщего уравнивания приводила к закрытию возможных “каналов” самоактуализации для большинства населения в стране; тем самым фрустрация потребности в самоосуществлении приводила к возникновению зависти и стремлению еще больше уравнивать всех и вся. Система (“конституирующаяся как власть зависть”) таким образом еще больше стабилизировалась.

Перейдя от грубоуравнительного коммунизма к “дикому” капитализму, мы не уничтожили основания для массового распространения чувства зависти. Скорее даже наоборот: у огромного числа людей их потребности оказались фрустрированными; а поскольку юридическое и политическое равенство сочетается с очевидным экономическим и социальным неравенством, следует, по М.Шелеру, ожидать рецидивов грубоуравнительных тенденций, в основе которых лежит “ressentiment”.

Поэтому важно подчеркнуть, что борьба с собственной завистью не ограничивается разработкой личных путей самоактуализации – она должна включать в той или иной степени сильное и возможное для человека изменение общественных отношений в направлении того идеала развития общества, который предполагает свободное самоосуществление одного человека не в ущерб свободной же самореализации другого. В процессе этой общественно-преобразовательной деятельности от зависти практически ничего не остается, поскольку человек находит в ней смысл, приближая время, когда не только он сам, но и его “соперник” сможет избавиться от чувства зависти и свободно развивать свою “родовую сущность”. Так подтверждается справедливость формулы. “Изменяя мир, человек изменяет самого себя”. Это наиболее эффективный, но, пожалуй, наиболее трудный путь борьбы с завистью. Тем не менее современные психотерапевты, которые отваживаются работать со своими клиентами на уровне решения ими экзистенциальных проблем, стремятся с томи, чтобы они, как говорил Виктор Франкл, все больше осознавали “свободу человека изменить что-то в мире к лучшему, если возможно, и изменить себя к лучшему – если это необходимо”. |

Фрустрация – состояние в ситуации разочарования, неосуществления значимой цели, которое проявляется в напряжении, тревоге, чувстве безысходности.

ЛЮБИТЕ ДЕТЕЙ ДОЛГО И НУДНО...

*Владимир Ланцберг
бард – автор и исполнитель песен, писатель, работал с
детскими клубами в Саратове и Туансе, проводил
эксперимент по созданию авторской школы в
Краснодарском крае и на Ставрополье. Сейчас живет в
Москве. Занимается журналистикой.*

... **А** я их ненавижу. Всю свою псевдо-, квази- и просто педагогическую деятельность посвятил истреблению их как вида. Они меня “достали” – своими криками, капризами, своей концептуальной истеричностью...

Я из-за них плохо живу. Они ничего не знают, не умеют, не могут, ни за что не отвечают, но хорошо плодятся и быстро растут. Самое страшное, что они везде. Я все время утыкаюсь в них и от них завишу. Один (в униформе крысиного цвета) меня шмонает как лицо зулусской национальности и знать не желает, что этого делать нельзя. Другой (в кабинете крысиного цвета) не хочет мне что-то разрешить, потому что какой-то папа не сказал ему, что это можно. Третий повырубал всю защиту и разогнал реактор до кипения – покататься хотел, что ли? Теперь все наши куры о двух головах и тощие, как геральдические орлы.

Поэтому, пока дети еще маленькие, их надо изводить. Потом поздно будет: им понравится быть детьми.

А пока что большинство из них мечтает стать взрослыми.

Потому что взрослый, в их понимании, может все. Он силен. Образован. Обладает правами. Принимает решения. У него есть деньги. Он не должен ни у кого спрашивать разрешения; захочет – и сделает. Его уважают. По крайней мере, с ним считаются. Им не помыкают. Его не бьют. Он имеет шанс прославиться. И много чего еще.

Все это наивно, конечно, но, согласитесь, отчасти так.

А ребенок однозначно слаб, неумел, беспомощен и бесправен. И шансов никаких.

Тогда он начинает беситься – курочит школьные парты и пригородные электрички, плавит зажигалкой кнопки моего лифта и замазывает жвачкой все щели, через которые я дышу. Мстит мне за то, что я, покидая детство, его с собой не взял. Знает, что станет взрослым нескоро, а ждать невыносимо.

И тут появляюсь я. Я ему скажу: пойдем со мной, и ты станешь взрослым. Сначала чуть-чуть, но быстро и просто. Потом еще чуть-чуть. Будет потруднее, но тебе понравится. И так – пока не станешь взрослым совсем. Долго ждать не придется.

Придется платить: за каждый грамм взрослого могущества отдавать грамм атрибутов детства, пока не останется минимум – того, без чего даже взрослый не может считаться человеком. Например, уменью радоваться и удивляться.

Я привожу его в комнату, где есть всё. Ну, не всё, но многое: материалы, инструменты, оборудование. Деньги. И есть я.

Я ему говорю: у тебя есть желания и проблемы. У меня есть возможность решить часть твоих проблем и помочь исполнить часть желаний. Что-то можно сделать легко и сразу. Что-то – сложнее: денег немного, материалы не все и оборудование не всякое. Но какое-то можно изготовить самому, а деньги заработать. Там, где не хватит сил и знаний, я помогу. Не хватит твоих прав – подставлю свои. Не знаешь, чего хочешь; не знаешь, чего вообще можно хотеть, – подскажу.

Но у меня есть несколько условий. Одно – первое, другое – главное.

Первое: мы ничего не делаем для выставок, отчетов и просто так. Мы не делаем моделей или макетов – только настоящие вещи. Мы не играем в игрушки. У нас настоящие заказчики и настоящая ответственность. Качество тоже настоящее. Мы уважаем себя, свое время и свою репутацию. Это, кстати, способ уважать других.

Главное: безопасность. Безопасность мира, в котором живем. Живности и растительности. Другого человека и вообще человечества. Самого себя.

Еще условия. Не решать свои проблемы за чужой счет. Не обманывать. Не враждовать, не вредить и не вредничать. Не красть. Почему – я объясню, и тебе будет легче соблюдать все эти “не”. Но я не буду этого делать, а постараюсь, чтобы ты объяснил себе это сам. Знаю способ. Называется – рефлексия.

Когда я понял, что ненавижу детей? В тот момент, когда увидел, какие бывают взрослые. В трамвай вошли мальчик и девочка. Ему было лет семь, ей – года на два-три меньше. Он помог ей забраться в вагон по ступеням. Потом пристроил к стеклу водительской кабины так, чтобы ей было видно все происходящее впереди по курсу. Затем купил билет. И, наконец, встал сзади нее, чтобы входящие и выходящие пассажиры ее не толкали. Чтобы ей было хорошо. В чем и состоял смысл его жизни на те полчаса, пока они ехали в трамвае.

Потом я нашел подходящую комнату, снарядил ее и стал приглашать детей. И не то, чтобы среди вышедших оттуда уже не оставалось детей. Оставались – в силу обстоятельств, помешавших им задержаться подольше. Выходили же более или менее взрослые.

Один ребенок попался упрямый. Тогда, почти двадцать лет назад, мы не знали, откуда такой взялся. Теперь я понимаю: из будущего. Сейчас таких больше. Но это все равно ничего не значит, потому что... слушайте дальше.

Он рос у бабушки. Родителям-ученым было не до него: они делали научную карьеру. А к нам его привезла тетка, тоже педагог. Дело шло к летнему трудовому лагерю. Ему туда не хотелось. И не в том дело, что непосильно яблоки собирать. У нас пространства были разные, с разным цветом небес. Я ему – мол, всё будете делать и решать сами, ты и другие ребята. И зарабатывать, и тратить, и свободное время проводить – по своему разумению. Никаких взрослых над вами не будет. А он – мол, по мне любая несвобода, лишь бы кофе в постель.

Все-таки он у нас очутился. Смену провел в режиме отдыха, но не совсем по своей воле: наказание такое было, самое страшное, – лишение права работать. А этот Гоша то сачканет, то технику безопасности нарушит. Вот и отдыхал. Делая вид, будто так и надо. Только в самый последний вечер не выдержал. Сидим у костра, последний разговор ведем, последние песни поем, вдруг дежурный кричит: “Пожар!” В селе сарай загорелся. Народ сорвался тушить – и Гошка туда же, а дежурный ему:

- Отдохни, ты же утром на работу не вышел!

И он “поплыл”. В тринадцать лет можно.

А дальше рассказывает тетка: вернулся Гоша в бабкину деревню, собрал пацанов со своей улицы и речь толкнул: вы, мол, живете не так, вы живете, как черви, не знаете, какая жизнь бывает. И сделал отряд.

Резковато, конечно, выступил, но знал, что говорит.

Но лето кончилось, и мы возвращаемся в школу.

Здесь любят детей. Логическое ударение можно ставить на любом слове. Особенно на третьем. Здесь детей холят, лелеют и выращивают. Оформляют: берут пустого ребенка и набивают теоремой Виета, Достоевским, постоянной Авогадро и зукариотами. Особенно зукариотами, под завязку, чтоб из ушей полезло. Наши дети лучше всех в мире знают географию, программируют, приводят неприличные выражения к виду, удобному для логарифмирования. При этом плохо обучаются сами, конфликтны и безруки. Ремонтировать розетки питания их учат совсем другие люди, если повезет со знакомством. И никакая учебно-тренировочная экология не отвратит ребеночка от того, чтобы бросить посреди газона банку из-под пива.

Наша школа любит детей принципиально. Она морщится от мысли, что утром детеныш может успеть на перекрестке протереть пару-тройку лобовых стекол. И, слава Богу, не ведает, что на вырученные деньги он обзаводится пачкой сигарет, которые нелегально палит в школьном туалете. А то бы что было!

Наша школа любит детей десять лет, хотя говорит, что одиннадцать. Ничего, скоро будет двенадцать: мы – богатая страна, хватает и классов, и учителей. Мы – страна богатых родителей, спящих и видящих, как бы подольше удержать двухметровую поросль на своем загривке, чтобы не вздумало чадо само себя кормить и автономно решать свои проблемы. Не удивлюсь, если узнаю, что мы – страна самых великовозрастных детей.

Но вот его заматают выполнять священный долг. Он и тут ничего не умеет. Всего боится. Его бьют. Он тихо звереет. Теорема Виета помогает плохо. Вылезают инстинкты. И, как только почувствует лигу безысходности, либо уверенности, он начинает мстить. Вскуд подряд. Вследствие регуляции транскрипции и трансляции он впадает в мейоз, откуда можно выйти либо дезертиром, либо мародером. И местное население перестает его любить. Он тоже никого не любит: это мешает “мочить”.

И вообще любовь – не детское дело.

Мы это чувствуем. Понимаем, что без милосердия (а где ему взяться без социальной уверенности?) ребенок – недочеловек. Что в таком виде выпускать его из школы опасно. Другого вида не предвидится – не с чего. И мы маемся. Самое простое – держать его на веревочке подольше. Хорошо бы лет двенадцать. Пятнадцать – еще лучше, но кто будет восстанавливать заведение из руин?

Сейчас мой младший сын, десятиклассник, обижается, когда его называют школьником. А я вспоминаю, как те из моих однокашников, что засиделись в пионерах до девятого класса, прятали в карман галстуки, “забывали” их дома, пачкали чернилами... Они выросли из детского статуса, а более подходящего не нашлось.

Увы, школе, натужно одолевающей неграмотность, не остается сил для борьбы с детством, хотя, начни со второго, первое получилось бы само собой. И мы врем себе, что любим детей, потому что, любви мы их взаправду, мы бы нежно и бережно проращивали в них взрослых.

Мне нравятся пушистоголовые взрослые с улыбкой, в которой не хватает пары молочных зубов. |

ВОПРОС В ОЖИДАНИИ ОТВЕТА

Фазиль Искандер /светлана кривцова/ юрий рост/ юрий энтин/ вадим абдрашитов/ вероника долина/ шалва амонашвили/ мира тодоровская/ юрий азаров/ владимир дашкевич/ игорь кио

В каждом номере журнала мы обращались к нашим авторитетным читателям с различными ??? . И они любезно нам отвечали. Рассказывали о собственных методах воспитания, о маленьких и больших родительских открытиях, о мере ответственности перед детьми и за них, о том, как сохранить отношения, когда они взрослеют, как преодолеть родительский страх при расставании с ними, повзрослевшими. И как их понимать, и как поощрять, как формировать систему ценностей и развивать интеллектуально. Как каждый день жить рядом и не устать друг от друга, в конце концов.

Но вот в этот – десятый – раз мы решили не задавать ??? , а позволяем нашим “уважаемым родителям” ответить ? на? . Поставить свои ??? . Обозначить проблемы, для которых они так и не нашли разрешения при всем своем богатом опыте, так сказать, педагогов-надомников. Вот они, эти ??? в ожидании ответов.

Юрий Энтин,
поэт, отец дочери-философа и сына-художника, дед студента Финансовой академии, профессиональной волейболистки и четвероклассницы

Есть, есть проблема, которую я так и не смог “освоить”, обжить. Если огрублять и “округлять”, то она такова: личность и общество, контакт между ними. Мой приемный сын (а мы с его матерью стали семьей, когда ему было полтора года) сначала инстинктивно, а потом, думаю, и сознательно отвергал свою связь с обществом, с социумом, с коллективом. С детского сада он был один, и все друзья у него были... насекомые. Он даже сказок не слушал, если в них не было “насекомых” героев. В первом классе в сочинении на тему “Как ты провел зимние каникулы” он честно написал, что нашел во льду пруда замерзшего жука-плавунца, отколов этот кусочек льда, принес домой и попросил маму положить его в морозильник, чтобы вместе с жуком подождать лета – когда жук сможет продолжить свою жизнь. Это было самым ярким его впечатлением о зимних каникулах, все его мысли были о насекомых, а люди его не занимали вовсе. При этом успехи Лёни были очевидны. Уже в 8-м классе он получил предложение о поступлении с биофака МГУ. Но он всегда был один, с друзьями неизменно возникали проблемы. И мы – я и жена – все пытались включить его в социум, тащили его туда, убеждали и стыдили. А потом он увлекся фотографией – потому что это занятие предполагает одиночество наедине с миром и потом – с пленкой. При этом снимал он только животных и насекомых. Его первая фотография – жук-скарabeй на своем катышке – получила приз на конкурсе, он опередил взрослых фотографов. Потому что эта его работа полностью отражала его внутренний мир – жук сидел на шаре, одинокая личность владела планетой, в этом был космический какой-то масштаб.

Сейчас Лёня художник, его работами оформлен офис серьезного банка, они стали элементом художественного решения фильма известного режиссера, он оформляет мои книги, причем по-прежнему не поступает своим миром. Книжки наши получаются совмещением двух миров – моего, озорного, оптимистичного, легкомысленного, и его, пессимистичного, мрачного. Его социальный аутизм по-прежнему налицо. Мои внуки – дети моей дочери. У Лени семьи нет. С друзьями туго... И вот я думаю, что вышло бы, если бы нам удалось изменить Лёню, сделать его “полноценным членом общества”? Стоило ли нам стараться? Достигли ли мы чего-то? Или мы только ломали его? Стоит ли вообще пытаться скорректировать даже явные личностные недостатки детей? Не относительно ли то, что мы считаем их недостатками? |

Фазиль Искандер,
писатель, отец 18-летнего сына

Я к сожалению, так и не могу ответить на вопрос, где граница между генетическими данными человека и тем, что дано воспитанием. Меня мучает вопрос, может ли воспитание каким-то образом перекрыть, скорректировать, восполнить генетические “исходные” человека. Меня не оставляет вопрос о степени фатальности происходящего с моими детьми. Мы не можем ответить на эти вопросы, а следовательно, то, что называют воспитанием, происходит в темноте. Мы оперируем неизвестным. |

Вероника Долина,
поэт, автор песен, мама четверых детей “от мала до велика”

Главный вопрос, который я для себя в воспитании своих детей не разрешила, – это вопрос баланса. Как любить, да не перелюбить. Как ласкать, да не переласкать. Как дарить, да не передарить. Как все же “выпрыскивать” в ребеночка с его самого раннего, младенческого возраста нечто, что представляется тебе генеральным, и обуздать при этом собственное нетерпение по поводу прорастания этого генерального... Под генеральным я подразумеваю прогресс в развитии личности любой ценой и в любых формах – духовной, интеллектуальной, физической. При этом я никогда не ставлю задач в лоб, не формулирую материальные стимулы. Какие-то там материальные поощрения... нет меня это как-то... не интригует. Ни меня, ни моих детей это не интересует. Да и в конце концов в отношениях людей материальное – всегда субстрат нематериального. А жизнь здешняя так бесконечно сурова, во всех возможных областях нас подстерегает несвобода, государство – ящер, и я поставила перед собой задачу размягчить эту жизнь в своих масштабах и своими силами. Какие уж поощрения в конце четверти, когда я своих детей и так бесконечно поощряю! Словом, я по-прежнему нахожусь в поисках разумного баланса между любовью и так называемым воспитанием. |

Шалва Амонашвили,
педагог, психолог, отец взрослых сына и дочери, дед Нины, Михаила, Мариади, Аники и Сандрика

Одна вещь для меня так и осталась загадкой. Я верю, что в маленьком ребенке посеяны и вот-вот прорастут семена будущей личности. Что они есть в нем, есть от природы, от Бога. Как обнаружить эти семена, как понять направленность того, что в ребенке уже есть, как понять “невывлупившуюся” личность – не повредить “куколке”, но понять, что в ней за “бабочка”?

Ребенок несет в себе образ Бога, ту сущность, которая будет вести его в жизни. Где нам искать эту сущность, чтобы не ломать личность? Педагогика все еще оперирует понятием “формировать”, а формировать то, о чем я говорю, нельзя, это насилие. Можно только выращивать. Мне вообще кажется, что это беда детской психологии и педагогики, что они выдвигают принцип формирования тех качеств, которые можно лишь вырастить. |

Мира Тодоровская,
кинопродюсер, мать взрослого сына, бабушка Пети и Кати

Наш сын Валерий в детстве был человек открытый, без комплексов, да он и сейчас такой. Он рос свободно, без нашего давления, в огромном городе на берегу теплого моря (мы ведь тогда жили в Одессе), среди наших друзей – Петра Ефимовича и моих. Валеру формировала среда – нашего дружеского круга и большого, открытого, теплого города. Он вел себя свободно, учился средне, но читал всегда очень много, в 9-м классе начал что-то химичить – сам нашел гуманитарную школу, сам туда перевелся... Сам решил поступать на режиссерский во ВГИК, сам же и провалился, пошел на сценарный. В общем, результат вышел вполне удачный.

Но при этом я вовсе не уверена в своей родительской правоте. Это и есть мой не разрешенный жизнью вопрос: до какой степени надо воздействовать на процесс роста своего ребенка? Какова должна быть мера родительского участия? Насколько человека воспитывает среда? Насколько – мы? С какой силой давить? Мы не давили вовсе, так ведь удачный результат – не показатель нашей правоты, а во многом заслуга нашего сына, это он не давал нам поводов контролировать и тряситься над ним. Вот, например, моя невестка с младшей девочкой делает уроки, не выпускает из поля зрения ни один момент в ее воспитании... Не исключено, что невестка права. |

Юрий Азаров,
отец двух сыновей – пяти и сорока лет и дочери-подростка

Первый, так и оставшийся на моей родительской повестке дня вопрос имеет касательство ко всему нашему обществу, а второй – гораздо “камернее”.

Как можно воспитывать в человеке высокие патриотические чувства, так называемую гордость за свою страну, когда вся практика жизни в этой стране против этой гордости. Если вокруг ребенка – безграничная власть права на насилие, права на уничижительность, права на ненависть, на унижение и на самоуничтожение. С одной стороны, мы любим Отечество, но с другой – сталкиваемся с Россией, где у человека нет прав, где подавляются все свободы, где подавляется сама личность. Возможно, нужно отдать себе отчет: патриотизм в том, чтобы разрешать существующие в обществе противоречия. Но как вырастить в современной России личность, которая может разрешать общественные противоречия?

Ну а “камерный” мой вопрос таков. У меня растет одаренная девочка. Рисует, пишет, осваивает гобой. Но вот страдательные причастия... Ведь совершенно по-разному работают у нас полушария мозга, отвечающие за логическое мышление и за творческую активность. Как выйти из противоречия между ними? Можно ли “заставить” оба полушария мозга работать равно, в полную силу и с самого раннего детства? |

Владимир Дашкевич,
композитор, отец взрослой дочери

Моя дочь выросла в основном такой, какой я и хотел ее видеть. Но это не снимает основной проблемы, в которую неизбежно впадают все наши соотечественники – родители... а они составляют собой общество. Эта неснятая проблема – неумение и непонимание необходимости создавать в любой ситуации, при любых складывающихся в семье и вокруг нее обстоятельствах климат взаимного уважения. И я бы не сказал, что это всегда удавалось и мне. Намше общество не видит мотивов создавать в своей среде атмосферу подлинного уважения к личности другого. Обществу безразличны люди. Потому и появляются инфантильное поколение – нет привычки уважать других, нет и ответственности, и все превращается в детскую игру по принципу “сейчас схвачу я, а потом ты”. И это абсолютно российское свойство – пренебрежение уважением. Страна наша и на слова о правах человека реагирует, как на афишу коза. Россия просто не понимает, зачем нужно Пасько совершать подвиги для спасения наших же детей, почему нужно прекращать войну в Чечне... От неуважения маленькой личности это переходит на уровень большой страны. Страны, где у всех со всеми отношения и никто друг друга не уважает. Милые люди, но друг друга не уважают и никого не уважают. Это Воннегут сформулировал: “Поменьше меня любви и побольше уважай”? И в этом огромная отличительная цивилизации от западной.

Мы как бы привыкли жить в обществе, где нет априорного уважения к другому, а есть как бы личное отношение – любовь. Вопрос же об уважении между русскими людьми встает только во время выпивки. Русские готовы удушить любовью, но не готовы уважать. Если родители нынешние примут этот мой тезис хотя бы как вызов, возможно, их дети начнут жить по-человечески. А где для меня это редчайшее дело – видеть семью, где есть взаимное уважение. И я точно знаю, что детям из такой семьи в обществе нашем жить будет чрезвычайно трудно. Это как у змеи удалить ядовитые железы. Чем же жалить? А у нас жало – вещь первой необходимости. |

Игорь Кио,
иллюзионист, отец взрослой дочери, дедушка

Что есть родительская мудрость? Причем мудрость на слове эпох, при смене ценностных координат? – вот о чем я все чаще думаю. Я убежден: мы, неся в себе генетический код некой “советскости”, не готовили детей к жизни, отличной от нашей. А пришлось нашим детям жить в абсолютно иных условиях и при иных обстоятельствах.

Родители должны быть открыты миру, как открыты дети, – только в этом случае мы сможем заложить в наших детей силу гибкости, способность изменяться вместе со временем. А мы со своими запретами, слежками, наказаниями только лишали их нормальной личностной гибкости, способности к приятно изменяющемуся миру. Наверное, ребенку нельзя давать абсолютную свободу – он может почувствовать себя брошенным и искать себе невероятные способы по привлечению внимания к себе. С другой стороны, я знаю много примеров чрезмерной родительской строгости, и результаты вовсе не вдохновляют. Следовательно, воспитывать нужно по новой модели, которой учит жизнь. А изменяющаяся жизнь учит, что отношения между родителями и детьми должны быть товарищескими, дружескими. |

Вадим Абдрашитов,
кинорежиссер, отец взрослой дочери

Все вопросы, которые у меня есть, – это вопросы к самому себе. Как к родителю и как к преподавателю – я преподаю режиссуру во ВГИКе. И все они сводятся к формулировке: “как сделать так, чтобы...?” Главный из этих “как сделать?” – вопрос традиции. В конце концов, ведь проблема, обозначенная некогда Гамлетом, актуальна. “Распалась связь времен”. Распалась! Традиция в России последние лет этак сто не является чем-то приоритетным. Сейчас мы пожинаем плоды прерывания времен, утраты приоритета традиции. И это, что выдвигается в семье – а по большому счету это как раз традиционные ценности – приходит в противоречие с тем, что выдвигает наше время и вся среда нашей жизни... Ведь так? Больше того – время на улице бежит быстрее, чем в семье. Оно бежит мимо традиционных констант. К тому же то ли мы от него отстаем, то ли оно действительно слишком торопливо... Словом, как удерживать традиции, не отставая от времени. Вот в чем вопрос. |

Юрий Рост,
журналист, фотохудожник, отец тридцатилетнего сына

Все, что связано с воспитанием моего ребенка, все это и есть загадка, вопрос. Но самый для меня очевидный из этих вопросов – о любви и дружбе.

Есть такая общепутребая большая глупость: родители не выбирают. Так вот самая большая загадка и самая большая радость для родителей – когда их выбирают. Когда дети выбирают родителей в друзья. Если это случается – это настоящее родительское счастье. Все остальное родительское – обязательства, родительская любовь – все это для меня в каком-то биологическом ядре. Я про удачу именно родителей, не детей. Они могут нас любить сначала щепящей, потом щемящей – с сожалением – любовью. Тут нет выбора. А вот когда дети становятся взрослее, когда они осознают свою возможность выбирать, и они выбирают нас в друзья ... Супер-загадка! Как воспитать ребенка, чтобы он стал тебе другом? С другой же стороны, в самой постановке вопроса есть некоторая ущербность: ведь протчих своих друзей я не воспитывал. Я их просто любил, пытался понять... Может быть, так нужно относиться и к собственным детям – прощая и служа им одновременно? |

ВОСПИТАНИЕ ДУШИ Владимир Зинченко
— психолог, философ, публицист. Академик Российской академии образования и Академии искусств и наук США.

Вызов академической психологии «Не ищи по следам древних, но ищи то, что искали они. Кобо-дайси»

О воспитание души — вечная проблема. Психология не может похвастаться успехами в ее решении, так как психологи почти 150 лет назад начали расчленять душу на отдельные функции, пытаясь объективно ее изучать. Они успешно продолжают это интересное занятие до сих пор. Попытки собрать душу воедино редки и малоуспешны. До сих пор остается верной оценка психологии, данная в начале XX века русским историком Василием Ключевским: раньше психология была наукой о душе, а теперь стала наукой об ее отсутствии.

Тема “Воспитание души” может рассматриваться как вызов всей академической психологии, который она, возможно, примет, достигнув соответствующего духовного возраста. Или послужит примеру философов, уже начавших возвращать душу в свой дискурс о бытии и сознании, о познании и деятельности.

С точки зрения романтического философа Феликса Михайлова главной душой души является фантазия. Я думаю, что душа имеет не меньше прая. Августин назвал три способности души: память, рассудок и воля. Память души отключается от исторической памяти. Она не столько хронологична, сколько структура, синхронична. Это память — традиция, которая, конечно, не вечна, но она меняется, подвергается реконструкциям и разрушениям существенно медленнее, чем историческая память. История нередко деформирует не только свое собственное прошлое, но и традицию, деформирует и душу. А душа часто из последних сил сопротивляется истории, претерпевает и преодолевает ее. И все же истории ни прошлой, ни, надеемся, будущей не удается разрушить душу или искоренить ее окончательно, хотя она порой прилагает к этому огромные усилия, пытаясь создать, например, “нового человека”. Именно в этом смысле душа есть душа. В каждом новом поколении людей душа возрождается, так как в каждом из них всегда находится “хранители очага”. Благодаря таким людям, обладающим скромной и неодолимой душой, а вовсе не школьной истории не прерывается связь времен.

Эти размышления об истории и традиции имеют самое непосредственное отношение к психологии. Психика и сознание, может быть, не всегда культурны, но навечно историчны. Душа более устойчива, и ее память менее подвержена историческим влияниям, благодаря чему эстафета человечности передается через самые глухие и мрачные исторические эпохи. В отличие от памяти души, история, как известно, учит только тому, что она ничему не учит. Ироничный Михаил Готфтер приравнивал постулат лживости послехристианской истории к общей теории истинности. История при всей своей лживости кокетничает тем, что она не знает сослагательного наклонения, традиция не стесняется говорить о том, каким могло бы быть будущее, если бы ею не пренебрегли.

Я не хочу сказать, что душа принадлежит к натуральным феноменам, феноменам натуральной психики в культурно-исторической психологии Льва Выготского. Речь идет о том, что душа, в отличие от психики и сознания, вечноэлева, вневещична, если угодно, архаична. В ее эмоциональной памяти хранятся общечеловеческие, доисторические ценности и смыслы. Другими словами, душа причастна к абсолютному, к истине. Она не столько развивается, сколько раскрывается. Раскрыть механизм чудесного, взять приступом абсолютное еще никому не удавалось (не только в области психологии). Приблизится к пониманию души пока удается лишь литературе и искусству. Возможно, это удастся и науке, если она извлечет накопленный ими опыт.

Искусство — символический язык души

Значительно большую (по сравнению с психологией) помощь в обсуждении проблемы воспитания души может оказать искусство. Хотя искусство не утруждает себя доказательствами, но в том, что касается души, смысла в нем больше, чем в науке.

Возьмем в качестве примера малую и бесконечно богатуу смыслом форму хайку Мацуо Басё:

*Старый пруд.
Пригнула в воду лягушка.
Всплеск в тишине.*

Поэт знает, что в этом семнадцатисложном стихотворении его духовный опыт приобрел свернутую форму выражения. Форма действительно проста и естественна. Она подчинена эстетическим принципам поэта. Главные из них: изящная простота, ассоциативное сознание гармонии прекрасного, глубина проникновения в беспредельность мира, недосказанность, а возможно, сверхсказанность, обеспечивающая свободу понимания и интерпретации. Его творчество — результат одухотворенного истинного созерцания, которое, согласно Канту, производит “чувственные понятия”, а согласно Гегелю, — схватывает субстанцию предмета во всей ее полноте. Подобное возможно, так как высшие формы созерцания обеспечиваются действием силы творческого воображения и творческой фантазии. Гёте называл такой вид творчества “созерцательной способностью суждения”, благодаря которой человек в единичном явлении может увидеть всеобщее. Результат созерцания — образ — видение есть нечто большее, чем простое восприятие.

Поэтический прозаик Михаил Пришвин писал: “Моя задача — показать в природе прекрасные стороны человеческой души”. Выражаясь словами Василия Кандинского, художник облекает в формы природы душевные состояния или настроения. Поэтому подлинное произведение искусства создается на языке души! Велимир Хлебников сказал: черти не мелом, а любовью! По словам Иосифа Бродского, сбывшаяся душа приводит в движение душу оформляющуюся. Трудность осмысления задачи воспитания души состоит в том, что формирующаяся душа приводит в движение душу оформляющуюся не прямо, а каким-то таинственным косвенным, гибким путем. И делает она это, конечно, не только посредством произведения искусства, но и посредством слова, жеста, собственного живого движения, улавливаемого другой душой. Значит, душа выявляется во взаимоотношениях между людьми. Возможно, она и располагается между ними. Порой души сливаются воедино. Что бы такое произошло, не обходящее совершенно особый тип общения, в котором нет места самоутверждению партнеров. У них должна быть выработана доминанта, пристрастное внимание на лицо другого человека. А это, писал русский мыслитель Алексей Ухтомский, не эмпирическое общение, а сосредоточенное собеседование с другим лицом, следствием которого является сочувственное понимание, проникающее до глубины души.

Подлинное произведение искусства замечательно тем, что в нем присутствует душа художника, вложенная им при его создании. Бродский даже называл стихотворения фотографией души, по которым можно проследить не только стилистические развитие, но и развитие души самого поэта. Такие “фотографии” становятся доступными читателю. Поэт ожидает этого.

Возможно, всматриваясь в душу поэта, читатель заинтересуется не только его душой, но и своей собственной.

Душа — дар моего духа другому человеку

Платон характеризовал каждый истинный акт большого искусства как предельную сосредоточенность, сведение в одной точке всех сил ума, воображения, памяти, чувства и воли. Подобная сосредоточенность описывается в таких терминах, как вдохновение, оержимость, неистовство. Главное свойство истинного искусства, согласно Платону, Льву Толстому, Жану Гюйо, состоит в способности его произведений притягивать (как магнит), захватывать, заражать и заражать людей глубокоными в эти произведения чувствами и энергией. В подобных описаниях весьма точно характеризуются внешняя картина воздействия искусства на человека.

Василий Кандинский сделал следующий шаг. Он утверждал, что всякое произведение искусства — дитя своего времени, часто оно и мать наших чувств: “Истинное произведение искусства возникает таинственным, загадочным, мистическим образом “из художника”. Отделившись от него, оно получает самостоятельную жизнь, становится личностью, самостоятельным, духовно дышащим субъектом, ведущим также и материальную жизнь; оно является существом, оно как каждое существо, обладает дальнейшими создательными, активными силами. Оно живет, действует и участвует в создании духовной атмосферы...” Духовная атмосфера в свою очередь необходима для созревания и очеловечивания чувств. В этом же духе размышлял и Лев Выготский. Он также считал, что аффективно-смысловые образования человеческого сознания существуют объективно вне каждого отдельного человека в виде произведений искусства или в виде каких-либо других материальных творений людей. Он подчеркивал, что эти формы существуют раньше, индивидуальных аффективно-смысловых образований. Лев Выготский, Даниил Эльконин и Борис Эльконин называют эти объективные аффективно-смысловые образования, существующие до и вне развивающегося индивида, идеальной формой, которая усваивается и субъективируется в процессе индивидуального развития, становится реальной формой психики и сознания индивида.

Искусство — это до-теоретическая этика — этика в действии, а не в нападении. Искусство практически вводит человека в мир человеческих ценностей, чего, к сожалению, нельзя сказать о науке. Не просто восприятие, а активное восприятие и созерцание произведений искусства становится началом духовной практики.

Мой учитель — детский психолог Александр Запорожек так описывал эволюцию поведения дошкольников в театре: со-присутствие, сочувственное со-действие, со-чувствие, со-переживание. В итоге сопричастие превращается в симпатическое со-участие или в со-причастие, из которых может вырасти со-мысль и эстетическое отношение к со-приходящему на сцене. Все эти стадии благодаря детской непосредственности отчетливо наблюдаемы.

Младенцы практически с рождения жаждут общения с человеческой душой. Это хорошо иллюстрирует исследование Ф.Салапатека. На рисунке показаны траектории движения глаз младенцев одно- и двухмесячного возраста при рассматривании человеческого лица. Если младенец месячного возраста смотрит на лицо, как парикмахер, глядясь по его внешним контурам, то всего лишь через месяц его глаза сосредоточены преимущественно на глазах и губах взрослого. Он смотрит в глаза как в зеркало человеческой души и, возможно, пытается найти в них свое отражение. Это не просто пассивное наблюдение. По многочисленным данным разных авторов, первая улыбка появляется у младенцев на 21-й день от роду. И эта детская улыбка — благодарный отклик на душевное расположение взрослого. К большому сожалению, последнее встречается не всегда.

Мифотворческая фантазия Платона породила замечательный образ души, которую он уподобил соединенной силе окрыленной пары коней и возникого. Возникий — разум; добрый конь — волевой порыв; дурной конь — аффект (страсть человеческая). Если какой-либо из атрибутов души отсутствует, душа оказывается ущербной. Например, Лев Толстой писал, что полководцы лишены самых лучших человеческих качеств — любви, поэзии, нежности, философского пытливого сомнения. Наличие всех трех атрибутов души — разума, чувства и воли — не гарантирует ее богатства. Глубокий ум, высокий талант, замечательное профессиональное мастерство могут быть отравлены завистью, гордыней, которые опустошают душу, убивают дух. Может быть, платоновской соединенной силе не хватает кризель? Подобное объяснение красиво, но его трудно принять в качестве определения. Из него следует, что душу нельзя свести к познанию, чувству и воле. Душа — это таинственный избыток познания, чувства и воли, без которого невозможно их полноценное развитие. Напомню язвительное замечание Бориса Пастернака: талантов много — духа нет.

Духовный организм и его функциональные органы

В начале XX века Алексей Ухтомский сформулировал дерзкий замысел: познать анатомии и физиологии человеческого духа. Ему принадлежат идея функциональных (не анатомических!) органов индивида и его духовного организма. Согласно Ухтомскому, функциональный орган — это всякое временное сочетание сил, способное осуществить определенное достижение. Такими органами являются движение, действие, образ мира, психологическое воспоминание, состояния человека: например сон, бодрствование, аффект, — даже личность. В своей совокупности они и составляют (строят!) духовный организм. Значит, по мысли Ухтомского, духовный организм — это сочетание сил, энергичная проекция человека. Разумеется, функциональные органы существуют виртуально и наблюдаемы лишь в исполнении, действии, поступке.

Виртуальность — недеяние, активный покой, зор для дпящегося опыта, своего рода точки развития и роста, т.е. внутреннее действие. Из таких точек (периодов, пауз, заторов) произрастают внешние действия, они в них же и возвращаются. Возможно, это близко к тому, что в даосизме называется “возвращением к истокам”, а в европейской культуре — рефлексией.

Убедительно иллюстриацию наличия функциональных органов я встретил у Владимира Набокова. Он, проживший большую часть жизни вне России, так описывал память эмигрантов: “...память о России у людей пожилых, застрявших за границей собственной жизни, превращается либо в необыкновенно сильно развитый орган, работающий постоянно и своей секреторией возмещающий все исторические убытки, либо в раковую опухоль души, мешающую дышать, спать, общаться с бесчелюсными инстанциями”. На эту же тему у него встречается почти натуралистическое описание состояния повышенной восприимчивости, которая преобразала все существо в одно огромное око, вращавшееся в глазище мира. Это похоже на полностью отделившийся от героя тогoleвский Нос. Набоков использует ещё одну не слишком эстетическую метафору: ум — желудок души, то есть тот же орган. Совершенствование функциональных органов не знает отчетливых границ. Бродский говорил: “Взгляд острый, чем игла”. Спиноза был прав: “То, к чему способны человеческое тело, никто еще не определил”.

Говоря словами Мандельштама, индивида к созданию новых органов влечет стесненная свобода одушевляющего недостатка. Близок по смыслу прозаический термин Жоржа Батая: “избыток недостатка” — непреренное свойство человеческого существа. Избыток недостатка — это неутолимость “тела” человеческих желаний, в том числе и духовных: духовной жаждою томиш! Конечно, для того, чтобы уменьшить избыток недостатка, необходимо иметь избыток возможности и обладать энергией преодоления. Благодаря такой энергии человек строит новые органы и функции, “душой и сознанием намеченные”. Это замечание Иоганна Фихте точно подчеркивает разницу между функциональным органом и душой. После можно сформулировать. Альбрехт Дюрер, например, говорил, что у художника есть усвоения правил и мер в работе в глазу должен показаться циркуль и угольник, а в руках — раскладочные инструменты. Они могут оказаться и вне души. Душа — это инуюс. Она не формируется извне, по заказу, а выявляется, раскрывается, приводится в движение, оформляется или... закрывается, освобождается от внешних влияний. Оставлю в стороне вопрос о принадлежности функциональных органов. Это важно, принадлежит ли они индивиду или его душе. Главное, что они составляют духовный организм, увеличивают силы и способности души. Формирование функциональных органов — трудная задача. Приведу суждение об этом русского актера Михаила Чехова: “Как чудотвор, я должен учиться себя наблюдать и рассматривать тело свое, как чужое, как инструмент. Пока я не знаю тело свое, как чужое, оно мной управляет на сцене, а не я им”.

Близкие по смыслу описания преобразования, претворения движений встречается у режиссера Мейерхольда, Таирова, Курбаса и у ученых Густава Шпета, Николая Бернштейна, Александра Запорожца. Живое движение в результате подобных преобразований достигает такой степени одухотворенности и совершенства, что их телесная биомеханика как бы исчезает. Сказанное Михаилом Чеховым относится к актеру. Но аналогичные требования нужно предъявить и к зрителям. Эстетическое восприятие — это тоже функциональный орган, который должен сформироваться в том числе и для того, чтобы умение читать движения актера. Глаз телесный должен стать глазом духовным или оком души. То же происходит и с восприятием музыки и других форм искусства.

Функциональные органы, согласно Ухтомскому, — это не механизмы первичной конструкции. Они представляют собой новообразования, возникающие в жизни, деятельности индивида в процессе его развития и обучения. Понятие “новообразование” широко использовали многие философы и психологи, а Джордж Келли назвал их “персональными конструктами”. Но все перечисленные ученые, характеризую функциональные свойства новообразований, не замечали их энергичную природу и суть, о которой писал Ухтомский, хотя и понимали, что их создание — главный признак развития человека.

Внешние и внутренние формы психического

Физиологи Алексей Ухтомский не помещал функциональные органы ни в тайны мозга, ни в глубины бессознательного. Он вообще не использовал дихотомию внешнего и внутреннего, ставшую привычной для психологии. Кажется естественным отождествлять внешнее с видимым, внутреннее с невидимым и на этом основывая считать действие внешним, а образ или сознание внутренним.

Психологи, да и не только они, не прислушивались к завету Гете:

*Что — внутри, во внешнем высшеи;
Что — вовне, внутри отыщешь.*

Понятно, что требование наблюдемости к функциональным органам, имеющим энергичную природу, существующим виртуально, является избыточным. Если воспользоваться традиционной дихотомией внешнего и внутреннего, то функциональные органы следовало бы поместить в пространство “между” — между внешним и внутренним. Именно благодаря своему пограничному положению такие, например, органы индивида, как движение, действие, образ, слово, имеют и свое внешнее, и свое внутреннее. В этом можно убедиться бесконечно, если не определить или не уточнить расплывчатые понятия внешнего и внутреннего. В культуре это, не без влияния Гете, было сделано Вильгельмом Гумбольдтом. Гумбольдт ввел понятия внешней и внутренней формы и использовал их для характеристики человека, произведения искусства и языка. Акутагава говорил, что последнее произведение, даже внешне монументальное, похоже на комнату без окон. Из нее нельзя выглянуть в жизнь. Но в нее нельзя и проникнуть снаружи. Такое произведение лишено внутренней формы, или она тира. Если необходим образ, то внутреннюю форму можно представить как тончайший мир, как сущность, что невидимо присутствует, как то, что греки называли “зйдосом”, а китайцы — “ли”. Не излагаю учения Гумбольдта о внешней и внутренней формах, развитого в России Шпетом, проиллюстрирую возможность его применения к функциональным органам — новообразованиям.

Действие индивида может рассматриваться как внешняя форма, имеющая в качестве внутренней формы образ ситуации, в которой она осуществляется, и образ действия. Во внутреннюю форму действия может входить и слово. В свою очередь образ мира, рассматриваемый как внешняя форма, может содержать в своей внутренней форме действие, а внешняя форма, может содержать в своей внутренней форме действие и образ. Во всех этих случаях внутренняя форма оказывалась виртуальной, а форма внешняя — вполне реальной. Легко заметить, что слово, действие, образ выступают в роли то внутренней, то внешней формы, что позволяет сделать общий вывод об обратности внешних и внутренних форм. Нечто подобное происходит с действием и страстью, с мыслью и словом. Аналогом внутренней формы у Кандинского является внутренняя необходимость, у Альберта Эйнштейна — внутреннее оправдание, которое до конца не рационализируется.

Осталось сказать, что действие, образ, слово, чувство, мысль, воля, то есть все то, что объединяется понятиями “психические процессы” или “психические акты”, представляют собой живые формы. А раз живые, то следовательно, активные, содержательные, незавершенные, беспокойные... Как душа!

Каждая из них — является “чистой культурой”. Одна форма содержит в себе другую. Работает принцип “Все в одном, одно во всем”, что не мешает их отнесению к автономному существованию. Последнее возникает благодаря развитию живых форм. Например, за деянием возможен актуальный покой, недеяние, которое не является пустым. Оно может быть занято созерцанием настоящего, погружением в себя, переживанием и осмыслением прошлого, рождением представлений о будущем. Для Фихте созерцание было синонимом деятельности.

Если отвлечься от относительно автономного существования некоторых живых форм, то взаимодействие внешних и внутренних форм можно наглядно представить с помощью ленты Мёбиуса. Вообразим, что движение — внешняя форма действия — это поверхность лицевой поверхности ленты Мёбиуса, а страсть, образ действия — внутренняя форма действия — это свойство ее изнанки. Но лента Мёбиуса — это скручиваемая, переворачиваемая поверхность, где внешнее по мере продвижения по ней оказывается внутренним, а внутреннее — внешним.

Этот длинный экскурс в психологию вызван тем, что психологические акты единосущны с душой. Их развитие включает идеальное тело души, расширяет и наполняет ее внутреннее пространство. В свою очередь идеальное тело души, расширяет и наполняет ее внутреннее пространство. Это явление можно рассматривать как таинственное условие, контекст и источник развития функциональных органов — новообразований.

То, что говорилось о внутренних и внешних формах в контексте психологии, относится и к человеку в целом. Человек, как и произведение искусства, как символ, как любой психический акт, также имеет внешнюю и внутреннюю формы. Сказанное о человеке не претендует на оригинальность. Русский философ Николай Бердяев в начале XX века уподоблял человека символу. Алексей Лосев усилил и уточнил это положение. Личность, по Лосеву, — это миф, то есть вестественная, телесная одушевленность символа. Осуществление — значит добытое трудом, в деятельности. Тогда же русский философ Павел Флоренский говорил о том, что человек — это не факт, а акт. Притом акт не завершенный. Избыток видения, которого в неустанном труде добивался художник, есть точка, где, по словам Милана Бахтина, дремлет форма и откуда она и развивается как цветок. Но чтобы эта точка действительно развернулась в поверхность созерцающей формы, необходимо, чтобы избыток моего видения воплотился цветом воображения другого человека, не теряя его своеобразия. Таким образом, в акте творчества подразумевается вчувствование в другого человека, скрытый диалог с ним и восполнение кругозора другого своим избыточным видением. И вместе с этим — развитие своего собственного видения. Молчаливое созерцание — это рои медитации, иногда светлой, иногда печальной, а иногда и той и другой вместе: печаль моего света. Оно, как и всякое переживание, представляет собой работу, направленную в создание смысла и значений. Они не всегда могут быть вербализованы, в том числе и поэтом, что слово нередко убивает впечатление и порождаемые им смыслы. По мере накопления опыта созерцания душа как бы впадает в понимание, порождает “невербальное внутреннее слово” (выражение Мерба Мамардашвили), в котором фиксируются неотрафлексированные смыслы. Это и есть то, что претворилось в выразил Осип Мандельштам:

*Быть может, прежде губ уже родила шепот,
И в бездревности кружились листья,
И те, кому мы посвящаем опыт,
До опыта приобрели черты.*

Приводя эти строчки поэта, я вовсе не хочу сказать, что созерцание — медитация — переживание, равно как и формы искусства, побуждающие душу вновь впадать в эти состояния, вовсе не рефлексивны или дорефлексивны. Возможно, они представляют собой высшие формы рефлексии, которые сродни озарению, сатори, инсайту.

Человек, его сознание, как и произведение искусства, обладают символом. Узнать и понять человека можно (если можно?) только целиком. Шанс узнать и понять невидимое и таинственное состоит в том, что при всей своей невидимости внутреннее прорывается вовне, его можно скрывать лишь до поры до времени. Оно прорывается даже против воли своего носителя. К тому же, как заметил Густав Шпет, нет ни одного атома внутреннего без внешнего. Автономность внешних и внутренних форм весьма относительна. Они не только взаимодействуют одна с другой, но и взаимопределяют друг друга, связаны отношениями взаимного порождения. Внешне рождается внутри, а внутренне рождается вовне. Высокий ли, низкий ли внутренний человек не может появиться без активности, поведения и деятельности человека внешнего. Внешний человек, лишенный внутренней формы, вообще перестает быть человеком. В психологии отношения взаимного порождения внешней и внутренней форм обозначаются понятиями интериоризации и экстериоризации. Экстериоризация есть более или менее совершенное воплощение внутренней формы. Оба процесса идут навстречу один другому. Они невозможны один без другого.

Пограничье и пронцаемость души

Создаваемые человеком в процессе развития внешняя и внутренняя формы — это пространство, в котором может находиться душа. Или она сама является пространством, в котором создаются эти формы? Внутренняя форма сама по себе лишь потенциально является пространством души. Это пространство активно, энергично, его внутренний избыток стремится наружу, чтобы реализовать себя, и таким образом проявлять на внешние формы активности, поведения, и деятельности своего носителя. Прорываясь вовне, внутренняя форма становится внешней, а следовательно, может быть предъявлена, дарована другому человеку. Именно в этом смысле душа не может погибнуть: она переходит к другому, конечно, при условии, что этот дар будет принят в себя другим. А если последний к тому же обладает благодарной памятью, душа сохраняет авторство.

Если вспомнить тезис об обратности внешней и внутренней форм, то можно предположить, что душу человека следует рассматривать как нечто объемлющее внешнюю и внутреннюю формы. Или по крайней мере как то, что может ими прорываться. Кажется, Томас Эйнрт сказал: то, что пережили нас, и то, что позани нас, ничто по сравнению с тем, что внутри нас. Другими словами, в каждом человеке имеются археологические, если угодно, по Карлу Юнгу, архетипические пласты, виртуальные внутренние формы поведения и деятельности, о которых и речь шла выше. Все они труднодоступны не только постороннему наблюдателю, но и их носителю.

Есть еще одна давняя, красивая, романтическая идея Новалиса. Он нашел место души на границе между внешним и внутренним (понятия внешней и внутренней формы Новалис не использовал). Именно в точках их взаимодействия и взаимноопределения развивается разворачивается жизнь нашей души. Само собой разумеется, что внешние и внутренние формы отличаются одна от другой, неравны друг другу, и это различие создает как бы разность потенциалов. Возмужно, душа, находящаяся между ними, ощущает (сознает) неравенство внешней и внутренней формы и тем самым выступает источником идей, чувств, действий, в конце концов, источником и движущей силой развития. Вспомним также о неравновости, асимметричности и избытка недовзатка и избытка возможностей. Сильная душа трансформирует разрушительную (отрицательную) энергию, порождаемую избытком недостатка, в энергию положительную, в энергию созидания и достижений.

Я говорил о пространстве “между”, между людьми, в котором также протекает жизнь нашей души. Есть еще одна граница, о которой говорил Эрих Фромм: “Душа — это переход, и поэтому ее лучше рассматривать в двух аспектах. С одной стороны, она дает образ, составленный из обрывков и слепков всех прошлых событий. С другой — набрасывает в том образе контуры будущих событий, поскольку душа сама создает свое будущее”. Другими словами, борствующая душа всегда находится на грани, на пороге преобразования. Состояние души не только мерило времени, но и его создатель.

Итак, существует как минимум три пространства “между”, или три границы, на которых располагается душа: между людьми; между внешней и внутренней формами человека; между прошлым и будущим. Она выполняет огромную работу, связывая их друг с другом. Я пока не готов обсуждать, какое из указанных пространств играет наибольшую роль в ее воспитании. Но сама по себе идея пограничья заслуживает самого пристального внимания.

Пространство и время души

Пограничье и пронцаемость граници — в этом тайна и ее разгадка, к которой подходил Борис Пастернак:

*Переговорок тонкоребрость
Пройду насквозь, пройду, как свет.
Пройду как образ входит в образ
И как предмет сечет предмет.*

Это одинаково справедливо и для культуры, и для души. Идея пограничья души не противоречит тому, что душа может быть высокой и низкой, большой и малой, широкой (так обычно характеризуется русская душа) и узкой, даже тесной. Поэты говорят, что душа имеет свои пределы: пределы души, пределы тоски. Значит, при всем своем пограничьи, душа имеет и своё пространство, но пространство совершенно особое: пространство души, ее чертыги нельзя измерить метрическими и даже топологическими категориями, хотя свою топологию душа, видимо, имеет. Однако топология души не единственная, а множественная, то есть топология не сциентистская, а гуманитарная, предполагающая даже взаимную обратимость пространства и времени. В ее сфере граница (стена) может быть и пространством, а точка может быть представлена как многомерное пространство.

Топология пространства и времени души — предмет, о котором увлекательно размышлял философ Мераб Мамардашвили, анализировавший “В поисках утраченного времени” Марселя Пруста.

Конечно, задача (и аспект) воспитания души сильно бы упростилась, если бы мы могли сколько-нибудь точно определить и предсказать такой члз или миг, который является фиксированной точкой предельной жизненной интенсивности, точкой события и моментальной навек мгзны. Мамардашвили называл ее “Punctum Cartesiansium”. “Мгновенье длится это гроз, но он и вечность был затмил”, — писал Борис Пастернак.

Так или иначе, но в фиксированной точке интенсивности сходятся все три цвета времени: прошлое, настоящее и будущее. Каждая из них, если она случается, представляет собой вечное мгновение, или элментарную, виртуальную единицу вечности, без которой не могла бы возникнуть идея вечности как таковой. Пространство и время души — это предмет особых размышлений об увлекательной и бесконечной области хроноптии (от хронос и топос) сознательной и бессознательной жизни человека.

Подобные точки, если воспользоваться космологическими гипотезами, можно представить как конформный пространственно-временной интервал, т.е. тот же хронопт. В таком интервале, с точки зрения космолога, возникает и сохраняется световой конус Илья Пригожин. Не буду вдаваться в оценку энергетической роли конформного интервала и светового конуса в возникновении Вселенной и ее вещества. Хочу лишь сказать, что световой конус — это замечательная метафора Часа Души, человеческих состояний молниеносного озарения понимаемим, сатори, инсайта, вызывающих бурный прилив духовной энергии, выливающейся во вдохновение, творчество, в создание своей собственной Вселенной. Последняя может включать множество миров, которые в разной степени осознаются и выражаются вовне. В этом же ряду стоят размышления Юрия Лотмана о культуре и взрыве. Приведенные метафоры принадлежат об одному и том же. Трата духовной энергии одновременно это и ее приращение, обеспечивающее рост души.

Встречи пространства и времени в точке или в конформном интервале (хроноптоне) не только рожают красоту, но и определяют судьбу человека. Как сказал Бродский: “И география примесь к времени есть судьба”. Обыденное сознание говорит об этом же проще: “Нужно суметь оказаться в нужном месте в нужное время”. Конечно, лучше быть хозяином своей судьбы и самому содействовать появлению конформных пространственно-временных интервалов, а не ожидать их как “дара небес”.

Все же гигантским шагом души должны предшествовать малые шаги — шаги со-присутствия, со-действия, со-участия, со-переживания, со-страдания, со-участия, со-причастия, вчувствования в сокровенное, которое есть в людях, в природе, в произведениях искусства и даже в вещах, в утвари. А свое сокровенное нужно стараться представлять (ставить перед собой) себе и задумывать о нем. Совершая такие шаги, впадая в состояние понимания мира, другого человека, произведения искусства, самой души, душа будет раскрываться, расти и крепнуть. I

О “НАШЕМ” ВРЕМЕНИ

Дмитрий Кавтарадзе
– профессор Международного университета (Москва),
заведующий лабораторией охраны окружающей среды
МГУ им. Ломоносова. Мастер игровых методов в мире
образования.

Если физика достигла умнонепостижимой точности в определении времени, то искусство продолжает исследовать его человеческий смысл, парадоксальность восприятия и тщетность преодоления. Психологи, философы и биологи делятся своим видением времени.

Мы называем его “Оно”, затрудняясь определить роль, и потому помещаем его в “средний” род. Удивительно, что пословицы и поговорки, а не школьные предметы, дали нам основное знание и представление о Нем. Наши духовные Учителя говорили о Нем в целом, касаясь жизни своей и учеников. Впервые я услышал приговор времени в словах Д.Н.Узнадзе об основной трагедии педагогики: расхождении между ближайшими интересами ученика и долгосрочными интересами педагога.

Преодолимо ли это расхождение?

Кто и как пытался исправить ситуацию?

Подсказкой прозвучала мысль А.А.Брудного о том, что преподавание экологии, ее социальных аспектов сходно с профессией лесовода, который, сажая лес, знает, что никогда не увидит его во всей полноте мощи, шума ветра, пении птиц в его кронах.

Чем представления лесовода отличны от наших с вами, читатель?

Предварительный ответ: лесовод выстроил стрелу времени, простирающуюся гораздо дальше в будущее (да и в прошлое, наверное), чем это сделали мы. Но самое главное, и это наверняка, он свободно мыслит временем последствий своих дел в этом будущем. Лесовод знает (и видит!), что будет с лесом через 40 лет, каким он станет еще через 30 лет, затем как он будет великолепен в 120-140 лет... Лесовод видит лес как свой, задуманный и посаженный по его плану, ухоженный, прореженный по его замыслу и его руками.

Однако и остальные профессии не хуже. Вспомните любую из аллей, которая вызывает благодарность создателю. Да, это он(а) думал(а) о тебе – путнике, который насладится и видом, и прохладой, тишиной аллеи (лип, дубов, берез, тополей и т.п.) и задумается о том, как это интересно, что есть такие люди, которые заботятся не только о соседях, но и о еще, может быть, и не рожденных, не научившихся ходить, говорить слова благодарности.

Мы прошли аллеей, вышли на глобальный солнцепек, нас не щадит ураганный ветер, поливает кислотный дождь... что же мы будем делать с “нашим” временем и со временем жизни следующих поколений?!

Как насчет проекта Аллеи времени для потомков, что мы уже нагромодили на ее пути? Чем мы располагаем, помимо точных и мрачных расчетов, что к 2030 году на Земле будет жить под 12 миллиардов людей, запасы каменного угля будут исчерпаны, нехватка пресной воды будет причиной локальных войн и т.п.?

Эти размышления приводят к порогу, за которым надпись: “Обучение Времени”. Оказывается, времени можно учить. Оно может быть предметом ощущения, почти ощупывания, осязания, прочувствования, понимания и освоения. Мы так и говорим – чувство времени, а не знание времени. Стало быть, учить надо – чувствовать.

“Время как предмет обучения” делает свои первые практические шаги. И, что удивительно, для постижения времени не требуются калькуляторы, высшее образование, сложные тренажеры. Требуется поработать с самим собой. Попробую показать, научить и помочь читателю овладеть азами чувства времени.

Вот несколько упражнений.

▪ Положите перед собой часы с секундной стрелкой. Закройте глаза и отсчитайте про себя одну минуту. Откройте глаза и посмотрите, сколько времени прошло в физической действительности. Возможно, вы убедитесь, что физическое и психологическое время у большинства людей (сравните с другими) не совпадают. Пока вы сами не проделаете это упражнение, время будет оставаться абстракцией, а упражнение – пустым.

▪ Решите задачу: поверхность пруда зарастает листьями так, что каждый день они покрывают вдвое большую площадь. Весь пруд зарастает листьями за тридцать дней. Вопрос: на какой день пруд зарастет наполовину?

Решение задачи показывает, как трудно представить себе развитие процессов, идущих с ускорением, по геометрической прогрессии. Нет, уважаемый читатель, не на пятнадцатый и не на пятый день, а лишь на двадцать девятый. Наша нетренированность в восприятии таких процессов (их называют нелинейными), по существу задающих свое собственное время, психологически блокирует адекватное восприятие проблем изменения окружающей среды. Нам кажется, что “завтра” будет продолжением “сегодня”, и мы сохраняем спокойствие: трудно, но не так уж плохо.

▪ И напоследок попробуйте нарисовать на листе прямую – стрелу времени и нанести на нее (примерно) годы рождения ваших дедушек и бабушек (помните ли вы их?), родителей, ваш собственный, ваших детей, внуков и правнуков. Вытяните эти дуги до момента времени завершения жизненного пути, там, где это, увы, произошло. Подумайте и обозначьте линией над стрелой времени, что из ваших замыслов и дел будет существовать после вас. Что вы для этого сделали и еще можете сделать?

На первый раз этих упражнений достаточно для знакомства с самим собой, первого представления о “нашем” времени. Не грустите, не пеняйте на себя, просто зеркало времени у нас, людей, почти всегда кривое. |

НАКАЗЫВАТЬ ... ЛЕГКО

Маргарита Жамкочьян
— психолог, переводчик, научный редактор нашего журнала.

До недавнего времени казалось, что наказание может быть слишком суровым или соразмерным нарушению, но всегда неотвратимым. Изоциренное воображение придумывало муки вечные – танталовы или сизифовы: просто смерти было недостаточно. Просвещенное человечество мечтало о внутренних муках и внутреннем перерождении – “Преступление и наказание”. Существовала и педагогическая мечта о дисциплине как незыблемости порядка, когда уважение к требованию порядка и соблюдению правил замещает тот самый нравственный закон внутри нас, который так изумлял Канта. И тогда остается только “Надзирать и наказывать” – так назвал свою книгу выдающийся философ Мишель Фуко. Согласно Фуко, в каком-то смысле мы все оказываемся “за стеклом”, а кто-то смотрит и судит. Любопытно, что социально-психологические эксперименты, с которыми мне хочется вас познакомить, тоже происходят “за стеклом”.

Конечно, психология всегда интересовалась проблемами нарушения правил и норм, но больше со стороны вины, чем наказания. А наказание шло с приставкой “само” – самонаказание. Вспомним психоанализ с его идеей Сверх-Я: за каждое отклонение от внутреннего эталона, даже если это не проступок, а дурные мысли, следует санкция (наказание) в виде чувства вины или стыда. Идеи психоанализа произвели настоящую культурную революцию в западноевропейском обществе, включая американское и российское – до 1929 года – года Великого Перелома (хребта).

В семьях российской интеллигенции, чем больше она сама была “надзираема и наказываема”, тем сильнее крепла идея о необязательности наказания детей. И в 50-е, и в 60-е годы, одновременно со всем миром, не подозревая об этом (а тогда расцветали и оформлялись гуманистические идеи и в психологии, и в философии, и в педагогике – тогда же появляются работы уже известного нашим читателям доктора Джайнотта), в нашем обществе тоже начинаются смягчение нравов и отказ от жесткого и жестокого наказания как преступников, так и детей. Здесь уместно вспомнить рождение именно в эти годы педагогической прозы Симона Соловейчика с его “Педагогикой для всех”, его парадоксальные идеи о пользе балования детей, о свободе отношений родителей и детей. Это был наш доктор Джайнотт, и были годы, когда имя Соловейчика было известно в каждой семье, которая задумывалась о воспитании своих детей.

Мало кто вспоминает сейчас уникальное исследование, проведенное в России в тех же 60-х годах американским социальным психологом Ю.Бронфенбреннером, и напрасно. Он сравнивал представления американских и советских детей о ценностях взрослых и то, насколько поведенческие намерения детей соответствовали этим ценностям. Бронфенбреннера поразило, что советские дети и в отсутствие взрослых планировали вести себя так, как будто все еще находились под наблюдением. Надзирать и наказывать – первое слово не менее важно, чем второе.

Но вот парадокс. Что произойдет, если в этой формуле наказание не будет соответствовать наблюдаемому нарушению? Чрезмерной суровостью наказания нас не удивишь, увы, как известно, она не приводит к снижению правонарушений. А если наказание будет слишком легким – недостаточным? На этот вопрос отвечают тонкие и остроумные эксперименты современной социальной психологии.

Может ли наказание быть недостаточным? И что тогда считать наказанием достаточным, и для кого? Эллиот Аронсон в своей книге “Общественное животное” (как вы помните, именно так определил человека Аристотель) называет достаточным “согласованное” (договорное) наказание, которое устанавливается в обществе, чтобы наложить ограничение на некоторые поступки. “В нашей повседневной жизни мы постоянно сталкиваемся с ситуациями, когда те, кто отвечает за поддержание закона и порядка, угрожают нам наказанием. Мы осведомлены о том, что, нарушив скорость, должны будем заплатить значительный штраф – если попадемся, конечно. А если нарвемся на сурового законщика, то и прав лишимся. Поэтому мы научены соблюдать ограничение скорости, когда близости находится полиция. Точно так же молодые люди знают, что, если они будут жульничать на экзамене и попадутся на этом, преподаватель их серьезно накажет. Поэтому и школьники, и студенты знают, что жульничать нельзя, пока за ними наблюдают. Но способно ли строгое наказание научить их не жульничать вообще? Не думаю. Скорее оно научит их избегать попадаться на месте преступления”.

Такого рода “договора” не что иное, как правила поведения, принятые в школе и дома. Например, не шуметь, когда отец отдыхает или работает, не приходиться домой позднее десяти часов вечера, звонить, если опаздываешь. За нарушение установленных правил “полагается” некоторое наказание. Но, как пишет Аронсон, угроза строгого наказания с целью отбить охоту у человека (ребенка) делать то, что доставляет ему удовольствие, влечет за собой постоянное беспокойство и усиленную бдительность, чтобы избежать наказания. Было бы намного лучше, если бы люди могли получать удовольствие от здоровья и благоденствия своего и других людей. Ну, например, дети не курили бы во вред себе или берегли бы нервы своих родителей, вовремя возвращаясь домой. Но, похоже, ожидание строгого наказания (расплаты) освобождает от внутренней перестройки ценностей. Практически все дети, живущие по правилам жестко определенного возвращения домой, боятся только последствий своего неповиновения, а не ущерба здоровью родителей. Чем больше мы бьемся в истерике и просим нас пожалеть, тем успешнее подростки “забывают” об этих чувствах до следующего разу. А уж справиться с обманом, воровством, битьем младших детей, что есть публичных унижений, лишения каких-либо благ, увы, любому обществу не под силу. Все усугубляется тем, что направленное против чувств – агрессии, ревности, протеста – наказание не дает их принимать и ладить с ними. Отсюда усиление беспокойства, тревоги и еще более изоциренное старание не попадаться. Когда ребенок говорит матери, что он ненавидит своего младшего брата, она рассердится на него, может быть, отшлепает или заявит, что это неправда и на самом деле он даже очень его любит. То есть правда либо отрицается (“ты не чувствуешь то, что ты чувствуешь”), либо наказывается. И если ребенок тут же повернется на 180 градусов и заявит, что теперь он любит брата, мать может наградить его объятиями и поцелуями. Наказание служит достаточным внешним оправданием для того, чтобы не разбираться в своих чувствах и не перестраивать их, а просто колотить брата, не попадаясь на глаза матери.

Чем меньше угроза, тем меньше внешних оправданий. Чем их меньше, тем больше потребность в оправданиях внутренних. Из теории когнитивного диссонанса (о нём мы писали в седьмом номере журнала) мы знаем, что человек бессознательно стремится к тому, чтобы у него внутри все было согласованно. Дав человеку возможность построить свое собственное внутреннее оправдание, можно помочь ему развить более сбалансированную систему ценностей.

Эллиот Аронсон обращает внимание на то, какую парадоксальную реакцию вызывает недостаточное наказание. Наказание должно быть существенно мягче (меньше) ожидаемого! Можно назвать его недостаточным. Теперь остается проверить гипотезу. Приведем два показательных эксперимента. Один провел сам Эллиот Аронсон с коллегой Мэрилл Карлсмит. Они изучали, как действует запрет на игру с определенными игрушками в детском саду при Гарвардском университете.

Сначала пятилетние дети оценивали, какая игрушка им больше всего нравится, а затем для каждого ребенка экспериментаторы выбрали игрушку, которая ему казалась привлекательной, и не разрешили с ней играть. Причем одной группе детей угрожали наказанием за непослушание (“я рассержусь”), а другой – наказанием построже (“мне придется отобрать все игрушки”, “я буду считать, что ты младенец”). После этого детей оставляли в комнате играть с другими игрушками и бороться с искушением нарушить запрет. Через некоторое время экспериментаторы возвращались и просили детей еще раз оценить привлекательность игрушек.

Результаты были поразительными. Дети, которым угрожали в мягкой форме, посчитали запретную игрушку менее привлекательной, чем в первый раз. То есть в отсутствие внешнего оправдания, которое объясняло бы, почему они сторонятся запретной игрушки, они убедили себя в том, что она им не нравилась (!).

Что-то похожее на “виноград зелен”. Но игрушка не утрачивала своей прелести для детей, которым грозило наказание похуже: дети продолжали считать эту игрушку желанной, а некоторым она показалась еще более желанной, чем прежде! Что подтверждается другим наблюдением (“запретный плод всегда сладок”). У этих детей достаточно было внешних оправданий, почему нельзя играть с запретной игрушкой, и поэтому необходимость в поиске каких-то дополнительных причин не было. И игрушка продолжала им нравиться.

Помнится, Адаму и Еве грозили страшными карами за одно только яблоко с древа познания, и до сих пор оно не утратило своей привлекательности. А если бы Создатель всего лишь погрозил пальчиком, где бы мы сегодня были? Но тогда еще не знали силы недостаточного наказания, и все кары, которыми грозили боги, были по-настоящему суровы. Как тут не вспомнить споры о смертной казни и строгости наказания за преступления. До какой черты их можно смягчить, чтобы страшные грехи стали менее привлекательными?

Заметим, что в экспериментах подтвердилось предположение, что перестраивается внутренняя шкала ценностей, даже если речь идет всего лишь об игрушках. Хрестоматийным стал эксперимент с роботом, придуманный Джонатаном Фридманом. Робот был исключительно привлекательной игрушкой, и он управлялся с помощью батареек, быстро метал какие-то “снаряды” во врагов, с оном разноцветными огоньками и кнопками. Другие игрушки не шли ни в какое сравнение, и, естественно, все дети предпочли робота. Затем “злой” экспериментатор заявил детям, что они не должны играть с роботом, пригрозив одним мягким наказанием, другим – строгим, а сам ушел из школы и больше не возвращался. Через несколько недель в школу пришла молодая женщина, чтобы провести с детьми какие-то письменные тесты. Дети и не подозревая, что на самом деле она работала с Фридманом. “Случайно” оказалось так, что тесты проводились в той же комнате, где были разложены все те игрушки, с которыми дети знакомились прошлый раз. Пока женщина проверяла ответы на тесты, которые выполняли дети, им было разрешено заниматься чем угодно, и если они хотят, играть с игрушками, которые кто-то оставил в комнате.

Феномен подтвердился и в этой ситуации! Подавляющее большинство детей, которым несколько недель назад пригрозили мягким наказанием, не захотели играть с роботом и выбрали другие игрушки. Значительное число детей, которых пригрозили строгим наказанием, играли именно с роботом. То есть сильная угроза оказалась не эффективна, а эффект от однократной слабой угрозы продержался целых девять (!) недель. Значит и правда, дело не в том, что какой-то взрослый предупредил детей о нежелательности данного поведения, и оно потеряло в их глазах свою ценность. Этого запрета не хватило бы на два с лишним месяца, как не хватило бы и на несколько дней. Нет, дети сами убедили себя в том, что оно нежелательно (оно потеряло свою привлекательность, поэтому никакого искушения им не пришлось преодолевать).

Эллиот Аронсон и его коллеги были очень воодушевлены результатами и сразу начали мечтать об использовании этого открытия не только в простых базовых ситуациях, но и в более важных сферах жизни – таких, как контроль за агрессией, хотя бы у детской. Не слишком мы в этой области преуспеваем. А ведь хорошо известно, что за родителей, использующих жесткие меры наказания с целью остановить детскую агрессию, вырастают дети, которые дома ведут себя не очень агрессивно, зато проявляют сильную агрессию в школе и в игровых ситуациях вне дома. А это хорошо согласуется с предположенной теорией.

Судя по всему, дело в силе наказания, оно должно быть недостаточным по отношению к ожидаемому или принятому наказанию за данное прегрешение. Но оно должно быть.

Подведем итоги. Итак, берем не одобряемое кем-то поведение, помогаем осознать, что оно нарушает установленные правила или чьи-то права, и угрожаем – легким наказанием. И тогда, как показывают эксперименты, внутри у нас возникает некоторое смущение из-за несоответствия: “Почему же я этого не делаю, неужели из-за одного неодобрительного взгляда? Нет, конечно, я это не делаю, потому что сам этого хочу”. Вся внутренняя работа протекает скрыто от “наблюдателя”, да и от “хозяина” тоже – для него главное, что баланс восстановлен. Смущение и смех вызывают ощущение, которое мы испытываем, когда поднимаем с земли бульжник, а он оказывается картонным. Несоответствие! Нарушилась внутренняя взаимосвязь. Конечно, мы скорее предположим, что нас кто-то разыграл, чем то, что нарушились законы мироздания. Наказывай легко, и человек скорее предположит, что изменилось что-то в нем самом, чем усомнится в том, что законы бытия тверды и незыблемы.

Маленькое послесловие. У меня был нелегкий случай – детская агрессия, выходящая за рамки ожидаемого и привычного. Поскольку мальчик был еще слишком мал, ему не было и пяти лет, помочь могла бы игротерапия по методу доктора Джайнотта и Вирджинии Экслейн, знаменитых шестидесятников, но она у нас пока находится в зачаточном состоянии. Оставалось одно – обучить маму.

Что обычно делает мама агрессивного ребенка? Уговаривает, угрожает, ругает и наказывает (или бьет его, лишает удовольствий). Еще наказывает своими страданиями, плачем, попытками вызвать чувство жалости и вины. И все это бесполезно. Не потому наказание плохо, что вредно, а потому, что не дает желаемого эффекта. Я предложила маме попробовать только комментировать то, что делает ребенок. То есть вместо оценки просто констатировать факт. (Получалось, что так вместо наказания мы вводили слабую угрозу, например, что мама огорчится.) Можете представить себя на месте этой матери, почувствовать, ося ее реакцию по отношению к подобным действиям “совета”. Но терять ей было нечего, она решила попробовать. Какое же было ее удивление, когда ребенок не только стал значительно спокойней, но и гораздо более открытым, по крайней мере с матерью. Неделю ей казалось это просто чудом, через две недели она перестала бояться “маленького чудовища”, как она его называла. Это был результат недостаточного наказания, ну и, конечно, свободного воспитания по Джайнотту. |

ЛОБЕЛИЯ ДОРТМАНА анатолій цирюльников

– писатель, ученый, путешественник по Горному Алтаю и Забайкалью, Египту и Малайзии. Его область интересов – сельская школа и история образования, поиск неопознанных педагогических объектов. Написал с десяток книжек, некоторые из которых (“Из тайных архивов русской школы”) стали педагогическим бестселлером. Автор двух дочерей.

Цветет она в июне маленькими голубовато-белыми цветами. Местные принимают ее за ряску, мешающую движению, а она – индикатор чистой воды. И чем дальше озеро от людей, тем лобелии больше. Нашли ее в Новозере, где Шукшин снимал “Калину красную”. Через некоторое время проверили, а лобелии уже нет. А как растения, животные сигнализируют об опасности среды обитания? Они уходят, исчезают, как и люди. Показателем биологичности или неблагополучия места, в котором мы обитаем, является не большинство или меньшинство, а отдельное, уникальное, реликтовое...

О ЛОБЕЛИИ ДОРТМАНА узнал от учеников Борисово-Судской школы, которые уже много лет изучают реликтовое озеро. Экспедиция учеников и учителей разбивает лагерь у озера и планомерно его исследует со всех сторон: прозрачность, цвет, осадок, запах, ландшафт, глубины... После того как озеро досконально изучено и описано и в нем обнаружен редкий вид растения или животного, стремительно исчезающий, дети и взрослые решают, как сохранить озеро, в котором этот вид существует. Составляют заявку в Комитет по экологии и добиваются, чтобы озеро получило статус памятника природы. Это академическое исследование проводят ученики 5-10-х классов обычной сельской школы, где работает учителя Сальниковы. Сергей Сергеевич преподает биологию, а Андрей Сергеевич – географию. Сальниковы – близнецы-братья.

Сергей Сергеевич – в очках, ученого вида. К приезду гостя в школе подготовили конференцию с обстоятельными научными докладами учеников. Я испугался и сказал Сергею Сергеевичу: “А может, просто пообщаемся?” Он ответил: “Это потом”. Стали передвигать парты, сооружать “круглый стол”. Сергей Сергеевич повторил: “Не надо, это потом”.

Андрей Сергеевич – копия брата, но в своем роде. Говорят, иногда берет рюкзак и уходит один в поход. На конференции я поинтересовался, какова тут у них демографическая ситуация. Андрей Сергеевич встал и вышел. Через некоторое время передает мне на маленьком листочке записку: динамика численности населения в области и районе за последние шестьдесят лет. В районе, где живут Сальниковы, население сократилось вдвое.

Эти вот детали: относительно того, “надо или не надо двигать мебель при нашей встрече”, и обстоятельства записка на четвертушке листа школьной тетради – характеризуют братьев Сальниковых очень ясно.

О них говорят: редкие люди, уникалы. Таких, с особым складом мышления, истинных ученых, и в среде научных сотрудников-то нечасто встретишь. А чтобы вот так, в сельской школе?

Сергея Сергеевича несколько раз звали в науку, но как-то обстоятельства не сложились, остался в школе. Андрей Сергеевич, он более сосредоточенный, хорошо умеет приводить в систему, связывать. У него более конкретное мышление, а у Сергея Сергеевича более абстрактное. Как два полушария мозга.

В сельской школе братья готовят ученых.

В это трудно поверить, и сначала, листая отчеты озерной экспедиции, в научной инстанции решили, что все сделали учителя, а ученики выучили. Потом прикинули объем работ, нет, одним Сальниковым не справиться. Приехали из Дальнего государственного заповедника, Русского географического общества, МГУ – посмотреть на юные дарования – и с тех пор ездят с учениками Сальниковых в экспедиции в вологодское заозерье.

Через шесть лет после первых исследований в селе Борисове сложился центр со своей школой практической экологии, летними и зимними лагерями и учебными курсами, через которые прошли чуть ли не все учителя района. После очередной экспедиции вдохновленные участники возвращаются в свои деревни и продолжают изучать окрестности – обозначения, рощи, ручьи, живописные холмы, озера... Зачем им это? Мне объясняли: научное общество учащихся, комплексное знание, полученное на природном объекте...

Но вообще-то сельские дети говорить толком не умеют, а у этих высокий уровень абстракции. Доклады делают, сообщают то, что сделали, другим. Девяносто два ученика из Борисова и окрестных деревень выступили со своими исследовательскими докладами. Беру наудач: “Сравнительная характеристика этномофауны побережья Кадозера”, “Оценка экологического состояния хвойного леса по модельным деревьям”... Не важно, говорили мне Сальниковы, кем человек потом станет, главное, он сможет анализировать, решать жизненные задачи.

Потом, у ребят в этих озерных экспедициях иной уровень общения. В школе – разрушенные личностных отношений, крики, сленг, а у них в лагере другое. Еще: много брошенных детей, и когда такой ребенок попадает в экспедицию, он увидит другую жизнь, не говоря о том, что отдышится, отъестся, ведь многие ходят полуголодные. Главное, сказали мне Сальниковы, экспедиция – доказательство того, что можно жить.

“В этой деревне огни не погашены, ты мне тоску не пророчь...”

А почему, спросил я, именно озеро? Потому, ответили мне, что это замкнутая система, саморегулирующаяся. Комплексность знания, разные предметы и вода, и суша. Потом, с эстетической точки зрения озеро – наиболее удачное место. Просто красиво. Лес, пока изучаем, не становится своим. А озеро становится.

– Вообще лагерь – это праздник, – вздохнул Сергей Сергеевич и стал вспоминать, как в прошлом году они сидели на узлах перед уходом, а на песке написал кто-то: “До свидания, озеро Черное...”

МЕНЯ ДАВНО ИНТЕРЕСУЕТ другая, смежная тема: не озеро, а болото. Как-то я встретил молодого человека, начинающего болотоведа, который хотел изменить общепринятый взгляд на свой объект: что это не трясины, а как у Пришвина – “кладовая солнца”.

Я тогда подумал: в каком-то смысле все мы находимся в одном болоте, и что же теперь делать? Можно торчать в нем и проклинать. Попробовать осушить, превратить в Швейцарию. Или плонуть и уехать куда-нибудь к черту на кулички... Но можно не делать ни того, ни другого, ни третьего, а поступить иначе.

Попытаться изменить свой взгляд на болото. Посмотреть на него, что ли, философски: вот оно какое, болото, булькает, о чем? Ну и, конечно, как-то практически использовать.

И вот мне пришла в голову сумасшедшая идея – разыскать сообщество, которое бы жило на болоте и что-то делало. Не знаю, что именно. Но если бы удалось показать, что жить на болоте интересно, это, по-моему, могло иметь большое воспитательное значение.

И я начал искать этот неопознанный педагогический объект – через Фонд дикой природы, заповедники, органы народного образования, но не нашел. Интересные сообщества попадаются, но не на болотах. Может, их вообще там нет?

Один из братьев Сальниковых, Сергей Сергеевич, отнес к моим болотным изысканиям с пониманием. В какой-то степени, оказывается, они тоже находятся на болоте, озера ведь питаются из болот. Десятиклассник Саша Медведев занимался их классификацией... “В болоте есть загадка, – сказал мне учитель Сергей Сергеевич. – Что-то, что не пишется в биологию, экологию. Какой-то особый мир, отличающийся от нашего, – тишина, размеренность, глубокий покой. Может быть, я скажу крамолу, – заметил Сергей Сергеевич, – но болото хранит память об озере, из которого когда-то вышло”.

По-моему, он из тех физиков, которые лирики, Сергей Сергеевич. По уму мог бы стать академиком. А по сердцу... Когда тянут на какое-нибудь мероприятие, говорит: “Почему вы меня отрываете от детей?” С такой обидой... В них вся его жизнь. Ему за сорок, как и брат, одинок... Да, продолжал Сергей Сергеевич, на болоте информационных связей нет. Биоценоз. Скудость жизни порождает высокий дух. Болото всегда замкнуто, ограничено от окружающего ландшафта. Как есть деревни уединенные, живущие по своим законам, и эти законы кажутся окружающим странными. А они выработались сотни лет. Так и школа: ее внутренняя жизнь понятна тем, кто ею живет, но не понятна тем, кто проверяет.

“В маленькой школе есть соразмерность жизни, то, что называется лад. Каждый на своем месте делает свое дело. И в ужас приходишь, – замечает Сергей Сергеевич, – когда кто-то приезжает и с перформенных позиций говорит: вы делаете неправильно. А ему, этому учителю маленькой сельской школы, сама жизнь доказала, что правильно. Что так надо”.

Большая школа – стена, в прямом смысле отделяющая от жизни. А в маленькой стены нет. Я считаю, говорит Сальников, величайшая ошибка – эта нынешняя реструктуризация, ликвидация маленьких школ. Детей мало, дорого, ликвидируем школу. Я – против, на маленьких школах завязана жизнь России. Так болота осушают, а они реки питают. И озера исчезают...

В деревне школа – ось, вокруг которой все движется. У нас тут, в большом селе, бесплатно дрова не привезут. А в деревне маленькой – привезут. В нашей школе для родителей есть только один ребенок, остальные все – чужие. А у них там все свои. Свой, особенный мир, в котором они живут более органично, в соответствии со здравым смыслом. А у нас не со здравым смыслом, а с расписанием.

Есть понятие конформизма. Мне кажется, конформист не может сформироваться в маленькой школе. А в большой – может. Мне кажется, говорит Сергей Сергеевич, конформисты и формируются в школе... Этот пронзительный монолог Сальникова не о политике. Я вообще не знаю его политических пристрастий. Выписывает газету “Известия”, а брат, Андрей Сергеевич, – “Завтра”. Ну и что? Тем ли, что выписываешь и читаешь, определяется уникальность человека?

“Сейчас я притерся. А когда впервые пришел в школу, меня поразило отсутствие здравого смысла. Большая часть приказов – выдуманная чушь...” – “Сейчас, говорят, опять пошел поток?” – “Да... Но был период свободы. Хлебнули свободы, и теперь задуматься трудно. Но у нас так устроено общество, что не дадут в полную силу почувствовать себя человеком. Переводят в людей ущербных...”

Вы не задумывались, почему чиновник регламентирован, а учитель – нет? И за работу ему можно не платить. И доброе слово – не говорить. У него такой статус – вечно озабоченное. На первом месте – долг, обязанность. А жизнь? Бунин говорил: “Жизнь – это восхищение”. А у нас жизнь – сплошное исполнение обязанностей. Вот учителя, муж и жена, общий стаж девяносто лет. А в итоге, не помню, чьи слова: “Жизнь прошла, как не было. Не поговорили”. Сами не радовались и ребят не научили радоваться жизни. Но жизнь – это дар божий, так ведь?

Не знаю, что-то утеряно в нашей школе, и такое чувство, что пока не найдем этого утерянного – пропорции, соразмерности, лада, никакой проблемы не решим. Вот и загадка болота, – вспомнил Сергей Сергеевич начало нашего разговора. – И будет жить это болото тысячи лет. Интересно, кто-нибудь исследовал маленькие школы с точки зрения здравого смысла, а не орфографии?”

В ЗАОЗЕРЬЕ, СКАЗОЧНОЕ зазеркалье, ведет медленная дорога через глухой вепский край – с изредка встречающимися деревушками, избушками с маленькими низкими окнами, полуразваленными церквями – деревянными, неопикуемой красоты, с лесными озерами и озерами, сохранившими ясные вепские названия: Светлое, Темное, Дом, Прелена... О вепсах – маленьком древнем народе, сродни чуди, исчезнувшем в советские времена, запечатлел поголовно в русском, – в духе припомнили в последние годы: назначали учебники, организовали национальный хор, создали особую волюсть в Карелии. Я был там: корней нет, фольклорная, в общем, ситуация. Последние вепсы доживали свой век в берендеевских лесах на Вологодчине. И были как последние евреи... Места тут встречаются заповедные, есть что исследовать. На дороге свежий след “в две “Примы”, как выжарается другой Сальников – Андрей Сергеевич. А волжик, говорит он, прямо в дома заходят.

Знакомый, рассказывает Андрей Сергеевич, услышал вечером странный визг, выходит в сени, а там волк собаку загрыз. Мужчина оказался не робкого десятка, схватил зверя за загривок, прижал горло, а тот его потащил – с сеной, с крыльца, мимо дома, по дороге. Как в сказке: тащит мужика волк, а мимо женщина идет, женщина кричит, мол, помоги помочь, а та не верит, думает, пьяный. Тащит волка дальше. Мужчину, дети увидели. Дети вообще смелее взрослых. Десятилетний мальчик вышел зимой из дома и пропал. Пять дней не было, а потом приходит – совершенно раздетый. Спрашивают: что с тобой? Отвечает: меня кормили собаки молоком. Холодно было? В первый день холодно, говорит. А потом хорошо. Ночью, когда замерзал, я ложился спать между собаками.

Парнишка даже не подумал, что это волки... У детей с природой вообще непосредственные отношения, прямые, считает Андрей Сергеевич. Про себя он говорит, что является приверженцем социального дарвинизма, наивной теории прошлого века, которая утверждает, что развитие человеческого общества подчиняется биологическим законам, а не социальным. Андрей Сергеевич работает в школе два двадцать лет и говорит, что все больше убеждается в социальном дарвинизме. Человека на восемьдесят процентов определяют задатки. Какие методики ни использовать, а что заложено... Возьмите дворянские семьи, говорит Сальников, рассказывая, что у них тут, в селе Борисово-Судском, было до революции. Да я и сам видел в местном музее, собранном одиноким учителем. Смотришь на чудесные вещи из барского дома, и такая шемцая тоска. Такая жалость. Запомнились лица на фотографии в дореволюционном тракторе – такие красивые, задумчивые лица. Как же они могли превратиться в зверские? Если экстраординарная ситуация, считает Андрей Сергеевич, то на первое место выступает биология.

С братом внешне одинаковые, но характеры разные. Андрей Сергеевич более замкнутый, держится в тени, вроде на вторых ролях. “Не пишите обо мне, – сказал, – не люблю. Не люблю, когда дарят, поздравляют. Я убегаю со своего дня рождения. Не выношу, когда меня хвалят. Когда ругают, приятнее”.

Учени себя он говорит, что на уроке – диктатор, а после урока выходя, разговариваем, прокинул его в гости приглашают. Андрей Сергеевич считает, что это плохо, учитель должен быть подальше от ученика, подальше и повыше... А сам сядет на скамеечке с вернувшимся из армии учеником, пьет пиво, беседуют. Из других районов звонят учителя, Андрей Сергеевич дает консультации. А сам постеснялся на других категорий подать: а вдруг не пройдет, что в школе скажут.

Сергей Сергеевич занимает однокомнатную квартиру, а Андрей Сергеевич, кажется, двухкомнатную, еще есть сестра, учительница, живет с матерью. Мать Лидия Николаевна тоже в прошлом учитель, учитель старой закалки, про которого говорят на уроке муха пролетит – слышно. А у Сергея и Андрея по-другому. Ну, сейчас время другое, сказала мне мать Сальниковых Лидия Николаевна, еще не старая, аккуратная, в нарядном платье, зашедшая в школу поговорить со мной о сеньях. Она считает, что главное ей удалось, сама она всю жизнь была общественницей, надо, значит – надо, на первом месте работа. Возвращаешься поздно, смотришь – лежит на учке, сухие? Они в детстве дружные были, ходили в обнимку. За одной партией сидели, учителя, бывало, их пугали, и Андрей с Сергеем отвечали друг за друга. А сейчас что ж, жаловаться грех, помогают – дрова, корова, картошка, у нее ведь свой дом, и они, когда не в школе, в нем, только на ночь к себе уходят...

Здесь у нас в основном маренные холмы, озерные котловины, речные долины, то, что ледник после себя оставил, объясняет мне особенность местности Андрей Сергеевич. То, что любой деревне прелесь придает. Необычные камни. Речка. Пруд. Отдельно стоящее дерево. Из таких деталей складывается деревенский пейзаж. Уберу деталь – и исчезнет прелесь. У них тут, в селе Борисово-Судском – месте известном, упоминаемом Карамзиным и Радищевым, когда-то был один из первых в России живописных парков. Деревья были подобраны не только по виду, но и по форме кроны, времени цветения, времени окрашивания листьев. Удивительные сочетания возникали. Потом парк вырублили. Репрессировали учителей всех предков, а сюда сослали из Ленинграда интеллигенцию, потом опять репрессировали. Каждый год ученики Сергея Сергеевича и Андрея Сергеевича сажают в старом парке сотни деревьев, часть выживает.

“У нас тут равнинно-плоскостное мышление, – говорит географ Андрей Сергеевич. – Равнины, равнины... Взгляд упирается то в близкий холм, то в лес. Когда из нашей местности попадаешь в степь, потрясение происходит. Другие механизмы. А у нас кругозор ограниченный, я имею в виду пространственный...”

В заозерье, куда Сальниковы ездят с детьми, обзор шире. Во время экспедиции ученики осматривают озеро со всех сторон, ходят, бродят, ездят на лодке. Обследуют по одной и той же методике разные озера. Они точно разные. Черное озеро соединяется с болотом проливом, рассказывал первый брат, Сергей Сергеевич, и, когда въезжает на лодке, вода кажется ослепительно белой, а возвращаясь – черная глать. “Болота кругом, инфильтрация алюминия в озеро из болота, поэтому вода в скрашеная чайная, кажется черная”, – приземляет более практичный Андрей Сергеевич. Отраскают карстовые озера, исчезающие. Соединенные наподобие сообщающихся сосудов подземными трещинами. Один человек забросил невода в Шимозеро и ушел. Через полчаса приходит – невод на суше. А вода со страшным шумом, грохотом уходит в воронку. Тому горьбыaku было уже не до рыбы, убежал. А через сутки возвращается – сеть на месте, спокойная вода. Удивительно...

Есть озеро Лебяжье, очень красивое, много белых лилий и три пары лебедей, как в сказке. А есть озеро бечьянное – небольшое, круглое, обливное, дына не видно, кругом дремучий лес, елки отражаются в воде – жуть. “Не замечаете, – спрашивает Андрей Сергеевич, – слышатся сумерки, и разговоры все страшнее и страшнее?...”

Ничего, ночь еще белая. Мы едем с Сальниковыми и их коллегами осматривать озеро для будущей экспедиции.

И ВОТ ОНИ на озерах, тридцать детей и десять взрослых. Ставят палатки, разбиваются на группы: ландшафтники, геоботаники, гидротехники, зоологи... И расходятся, и изучают озерный комплекс по своим методикам: “органолептический анализ воды”, “ловушки Барбера”... Разговаривают о профессиональном, здесь не ученики и учителя – исследователи. Один изводит мелкую реку, другой – экологически неблагоприятный участок леса. Чтобы увидеть озеро в целостности, дети переходят из группы в группу, по кругу. Каждый вечер – обследование результатов у доски с мемом. Потом все объединяется на конференции – прямо на озере.

Надо же объяснить, чтобы все поняли: это не юные натуралисты, а путь к решению острых проблем воспитания и образования. Они начали его, как сами говорят, холодной осенью 93-го, когда о воспитании в молчаливой и комсомол распались, на круговую работу ноль внимания – в противном случае возникли первые озерные экспедиции. Работали добровольцы в свободное время, но потянулись люди из других деревень, и сложилось сообщество.

Вот кричим, умоляем: объединяйтесь, кооперируйтесь, пусть пропасть поодиночке. Люди, ау, где вы? – а они здесь, в селе Борисово-Судского, Пожаров, Новой Старини, Верхнего Конца и Нижнего – всех деревень округа.

Вслед за экологами, биологами, географами, химиками стали объедаться историки, краеведы, фольклористы... В краеведческом лагере “Истоки” дети и взрослые в жару и стужу ходят по разным деревням, записывают воспоминания жителей, собирают старинные вещи, легенды, родословные, свистят от потухших звезд – письма из лагерей тех, “без права переписки”, колыбельные и плачи – свидетельства о среде нашего обитания. Может быть, нам плохо потому, что мы забросили, испоганили собственную среду обитания, не знаем ее. Может, поэтому одиноко?

А в Бабаевском районе теперь только скажи: встреча на озере – и все тут. Экологи, биологи, историки, родители, вообще жители – девять профильных объединений садятся за “круглый стол” вологодского заозерья.

Когда экспедиция заканчивается, собирается сельский сход, и ребята рассказывают об озере: что тут растет, сколько кострищ и бутылок на квадратном метре... Когда возвращаются сюда года через три и оказываются, что берег чист, – на душе такой лад... Самое интересное, что в озерные экспедиции включаются местные жители. Рассказывали: однажды приезжают, а на озере коммерческий директор совхоза сидит, тоже ученик Сальниковых. “Ты что тут делаешь, ведь уборка?” – “Ну, – говорит, – надо посмотреть, как там лобелия...”

Лобелия Дортмана – редкое, реликтовое, стремительно исчезающее растение, о котором тут знают, наверное, больше всех. Из десяти озер, в которых оно встречается, девять у них в районе, в семи лобелию обнаруживают дети. Они сделали открытие: оказывается, лобелия произрастает на большей глубине, чем это принято, а ее восприимчивость к загрязнению зависит от возраста. Наподобие детей в модели Сальниковых: дошкольник – озерицатель природы, младший школьник – творец, маленький принц, подросток – исследователь, выпускник – защитник...

Конечно, посмотреть со стороны – чудики. Зачем им это? В вологодском заозерье более четырехсот озер, все исследовать, сохранить – не успеть.

Когда заканчивается лагерь, они садятся на узлы, сидят и не могут наглядеться друг на друга. А раз встали и пошли все по Пезозеру: оно мелкое, песок, километр шли – блаженство.

Жизнь – это экспедиция... |

МАЛЕНЬКОЕ ПРАВИЛО КРУПНОЙ ССОРЫ

*Ольга Филипповская
– Психолог, психотерапевт; сотрудник Московского городского психолого-педагогического института. Пишет, печатается, иллюстрирует свои статьи.*

Чему нас учат современные книжки по воспитанию? Откроем наугад любую. “Если вы испытываете обиду, спросите себя, что заставило ребенка причинить ее вам”, “к увлечениям детей надо относиться с уважением, даже если они кажутся вам пустыми или вредными, у них есть право на собственные желания и ошибки”, “избегайте общаться с ребенком между делом, стоя лицом к плите или раковине, он должен чувствовать ваше полное внимание”. И, наконец, приводится авторитетное мнение американских психологов – необходимо, что называется, по жизненным показаниям не менее четырех раз в день ребенка обнять!

Значит, если дитя явилось вместо двух в половине пятого, без одной варежки, с мокрыми ногами и двойкой по русскому, а мама, изведясь, отменив парикмахерскую и визит к зубному, все перевернув, но анальгина так и не найдя, должна оставшуюся часть злополучного дня обниматься со своим чадом два, три, а то и все четыре раза! Подумаешь “принцесса на горошине”, пальцы в чернилах, дырка на коленке, “чу-щу”, “ча-ща” вызубрить не может! Ей – и первая клубника, и новые туфли, и билеты на концерт. Обиду стерпи, грубость мимо ушей пропусти. “Ничего не поделаешь – возраст!”, лишнего не скажи, дела отложи, приласкай да обними!

А усталость и нервы? Болезни и разочарования? Неприятности на работе, бессонница, раздраженные соседи, кухонный чад и сломанный кран? Есть ведь и у нас, взрослых, право на собственную боль, на ранимость и страх, на дурное настроение в конце концов!

Нет, дорогие мамы и папы, ныне наши именины будем праздновать, нас поставим в центр хоровода, нам споем: “Каравай, каравай, кого хочешь выбирай!”

Вы возвращаетесь вечером домой. Вам хочется горячего чая, покоя, тихой беседы. Но приходится ликвидировать последствия грандиозного кораблекрушения, имевшего место в ванной, объясняться с соседями, успокаивать старшую дочь, опаздывающую на свидание, и принимать участие в поиске пропавшего в катастрофе зонта. “Ты соображаешь, что делаешь!.. Сколько раз тебе говорить!.. Почему ты берешь без спроса чужие вещи?!” Шум-гам, угрозы, слезы, наконец, “я больше не буду”, боль в виске, испорченный вечер. В этот момент рассуждения о праве ребенка на собственные желания и ошибки кажутся кабинетной утопией, и вы понимаете, что скандалы неизбежны.

Но утро вечера мудренее. Когда страсти улягутся, подумаем об их последствиях – полезных и вредных.

+1 Эмоциональное напряжение сброшено. Мир замер в руинах, готовясь к новому созиданию.

+2 Одержана если не окончательная, то по крайней мере временная победа. Вода мирно журчит в ванной, вещи на своих местах, сын второй день сопит над учебниками, опасно озирается, слышав ваши шаги.

–1 Нет прежнего контакта с ребенком. Сын становится заметно осторожнее и хитрее. Что это он закрывает плечом? Почему так странно оттопырен левый карман его куртки? “Ты что-то затеваешь, сынок?” – “Не, мам”. Но от каждого громкого звука вы почему-то начинаете вздрагивать.

–2 Толком не умея задумываться, легко подражая, ребенок усваивает “военный путь” как единственную манеру разрешения конфликтов. Очень скоро, увы, придется и в этом убедиться.

–3 Если ваша победа оказалась полной – сопротивление ребенка сломлено, он больше не мечтает ни о бригантинах, ни о флибустьерах, ни о капитане Флинте, а стремится соответствовать вашему идеалу – будьте внимательны. На самом деле он отказывается от самостоятельности, инициативы, а готовность следовать за авторитетом, за вами удобна, пока дети маленькие. В отрочестве авторитеты меняются, а привычка подчиняться остается. Дурные влияния, к сожалению, тоже.

–4 Некоторые дети, до поры до времени удачно скрывавшие свою особую впечатлительность, неожиданно обнаруживают все признаки невротического состояния. Как следствие семейных драм, появляются страхи, ревность, инфантильность, которые обычно застают бедных родителей врасплох.

–п На “арене сражения” трудно удержаться от резких слов и обидных выражений. Вслед за этим, как правило, следует мучительное раскаяние, хотя вы и продолжаете чувствовать себя виновником конфликта с ребенком. В этой ситуации попросить прощения за свои действия особенно трудно. Но ваше чувство вины все равно будет проявлять себя, только неловко и непоследовательно, усугубляя напряженность в семейных отношениях.

Итак, всего два “плюса” и “п-ое” количество “минусов”. Картина наглядна, но от этого не намного легче. Даже стараясь избегать острых углов, призывая на помощь все свое терпение, мы зачастую только выращиваем из мухи слона. Рано или поздно это обнаружится, когда не в силах больше сдерживаться, мы дадим себе волю.

А между тем наверняка не раз бывало так, что тяжелые тучи неожиданно проходили стороной. Сами того не ведая, вы оказывались миротворцами, используя одно из важных психологических открытий: если нет иного способа справиться с отрицательными эмоциями, выразите их, но говорите только о своих переживаниях, не обвиняя при этом другого. Например, можно закричать: “Сколько раз тебе говорить – клади ключи на место!” Но лучше, если это прозвучит так: “Послушай! Я с трудом сдерживаюсь всякий раз, когда приходится искать ключи!” Иными словами, вместо “ты плохой”, “тебе не стыдно”, “у тебя головы нет”, попробуйте признать: “мне неприятно”, “меня раздражает”, “я возмущаюсь”...

Удивительно, но факт – такая простая, казалась бы, вещь, а относится к “золотому фонду” искусства общения и называется в психологии “я-сообщением”. Оно дает другому возможность верно понимать вас, а вам – овладеть собственными чувствами, избежать порочного круга взаимных обвинений и направить выяснение отношений в плодотворное русло.

Однако в действительности оказывается не так легко найти нужные слова. Неплохо было бы попробовать заранее. Выберите, например, среди высказываний единственное, которое можно назвать “я-сообщением”, придумайте свой вариант. Если вам интересно, разыграйте эту ситуацию с детьми. В самом деле, что бы они сказали в ответ на каждую из этих реплик?

- 1. Я не могу больше ждать, когда ты наконец уберешь вещи!**
- 2. Меня угнетает этот беспорядок. Твоя комната стала неуютной.**
- 3. Я никогда не думала, что моя дочь будет такой неряхой.**
- 4.**

Нам было бы интересно узнать, что у вас получилось. |

ФИЛОСОФИЯ НАВЫКА светлана хрицова
— кандидат психологических наук, научный руководитель Центра социально-психологической адаптации "Тезисы"

Вашему журналу статьи, названия которых начинались со слова "КАК". "Как провести" и "как говорить", "как предлагать" и "как находить", "как слушать" и "как говорить, если хочешь быть услышанным". Со времен Дейта Карнеги уже около ста лет существует вульгарный психотехнический подход, обучающий нехитрым способам манипулирования людьми друг другом. Тематику наших статей ставит не эти "эффективные коммуникации", но нечто совсем иное — узнаваемые каждым, насыщенные примерами и размышлениями фрагменты работы **человеческой души — жизненные навыки.**

Обучение жизненным навыкам могло бы стать важной частью содержания школьного воспитания. В самом деле в каждом из таких умений есть конкретное содержание. Образно говоря, обучение навыкам состоит в том, чтобы предложить подростку "примерить" на себя манеру поведения человека уверенно, но не агрессивного, уважающего другого, но прежде всего уважающего себя. Каждое умение уже содержит схему ориентировки в непростой жизненной ситуации и соответствующий способ выхода из нее, расплывший буквально по шагам. Можно взглянуть его глазами, почувствовать как он, примерить его способ ответить на запрос этой ситуации.

В школе нет и намека на изучение того, что реально волнует подростка — ни теории жизненных задач, ни предмета, хотя бы как-то задающего ориентировку в том, как эти задачи решать, — не элементарного тренинга жизненных навыков, хотя название похоже на школьное — "навыки". Первое, о чем говорят критики, — то, что мы подразумеваем под жизненными навыками, не является навыками в традиционном понимании этого слова. А традиционное понимание такое: навыки — это автоматизированные, хорошо отретенированные и "оттренированные" предметные действия. То, что "отскакивает от зубов" и выполняется легко, без контроля сознания. В нашем случае имеет место калыка с английского "life skills". Скиллз, согласно словарю Вебстера, — это "умения или способности, которые проявляются в опыте". В понятии навыков здесь делается акцент на то, что это реализованные умения, которые работают, которыми человек активно пользуется. Среди них есть и способы поведения, и способы обращения с собственным внутренним миром. (Можно по ассоциации с психотехническим подходом определить жизненные навыки как личностные действия, предметным содержанием которых являются социальные способы межличностного и внутриличностного взаимодействия. В отечественной психологии в рамках теории планомерного формирования умственных действий и понятий исследовались социальные способы предметной деятельности. Однако очевидно, что человек усваивает не только эти действия, но и способы обращения с людьми и собственным внутренним миром. Содержание ориентировки в этих личностных действиях особенно интересно.) Особенность "наших" навыков, делающая их чужеродными в глазах школы, скорее всего в том, что им нельзя научить "в лоб", как письму или счету в пределах десятилетия.

Представим типичную ситуацию. Живет в спокойной российской городке, в любящей семье хорошая девочка, заканчивает школу. Ей повезло с родителями, они дали ей всю свою любовь, ей повезло с учителями, много раз она наблюдала за тем, как мудро и правильно ведут себя в конфликтных взрослых, она и сама старается вести себя так же. В ее жизни до 17 лет не было трагических событий, так что и повода задумываться о жизни и судьбе тоже особого не было, вообще, когда все нормально, живут люди, не слишком задумываясь, не рефлексируя. Положение человек занимает, но делает это несознательно. Какие-то поступки совершает, но как именно — сам не очень понимает. Бывает, что намерения не совпадают с тем, что получается: "Хотели-то как лучше, а получилось...".

Действительно, людей добрых характерно и то, что они для своих детей хотят другого, не того, что имеют сами: "Надо уметь за себя постоять, Танечка, что ж ты ничего еще не сказала!" — сокрушается мама. Но Танечка не знает, что можно было бы сказать, чтобы отстоять свои права. Да и надо ли вообще что-то говорить, потому что ее мама предпочитает в такой ситуации промолчать, а вести себя так, как крикливая соседка Маша, девочку считает недостойным. Это подлито подкрепляется родительской философией: ничего, от нас не убудет, пусть хоть все забират, лишь бы оставили нас в покое. Типичное русское поведение и отношение к жизни. Пронзающее и терпящее. Это русское долготерпение давно уже слышит притчей во языцех по всему миру, вызывая разные чувства, но чаще — недоумение.

Но счастливое детство Танечки заканчивается. Она собирается в университет в большой город. Если бы я была ее учительницей или мамой, мне было бы гораздо спокойнее, если бы я знала, что у нее есть хоть какие-то представления о реальной жизни. Я начинаю понимать, что уже не смогу защитить ее и начинаю жалеть, что до сих пор у нее не было повод столкнуться с обреченной стороной жизни, что я ее не научила ее постоять за себя, не рассказала хотя бы из своего опыта о тех недоразумениях, которые возникают между людьми. Я спрашиваю себя, почему не сделала этого, но не понимаю и того, почему жизненным навыкам не учила школа?

Почему этому не учат в школе?

Однако на вопрос, нужны ли нам навыкивые технологии, которые уже лет тридцать являются частью западной культуры, причем связанные не только с уверенным поведением и отстаиванием своих прав, но вообще любые, обычный ответ: нет. Почему? Вот наиболее часто выдвигаемые аргументы.

Нельзя препарировать работу души, это очень интимный процесс. Русские живут и выбирают сердцем, а в этих "навыковых" технологиях — все от головы. Русские верят в чудо, а им предлагается методично выполнять малые шаги, следуя инструкции: "первый шаг — делай то-то, второй шаг — делай то-то". Наконец, все это — из поведенческой психологии, из бихевиоризма, из примитивного подхода, отрицающего наличие души. Хороший человек найдет способ принять правильное решение и без всякого психологического тренинга, а если проблема в душе не проработана, тогда никакой тренинг не поможет, все эти навыки останутся для него чужими. Вообще формирование навыков поведением напоминает дрессировку. Так с людьми не поступают.

Аргументы очень серьезные, но перед родительской тревогой они как-то меркнут. А если бы для примера мы взяли другого подростка, который хоть за словом в карман не лезет, но слишком впечатлителен и неосторожен. Или того, кто готов уехать куда угодно от пьющего отца, а сам паренек тихий, но как будто испуганный — вереница птиц и характеров нормальных как будто бы ребит. Как же их выслушать в современной жизни? Хватит ли им полученных на уроках литературы рассуждений о благородстве и честности... В общем, проблема поведения требует серьезного анализа, и просто так отмахнуться от непривычного навыкового подхода не получается.

Не надо быть психологом, чтобы предположить, что и Танечка, и каждый из этих ребят обязательно столкнется с серьезными психологическими проблемами. Они настолько типичны, что могут быть легко предотвращены, ведь они закладывают стандартными жизненными ситуациями. Интерес к содержанию этих навыков у подростков, родителей и учителей огромен.

Итак, есть развивающееся направление в практической психологии личности, и есть серьезные возражения, анализ которых заставляет нас самих лучше осознать свои позиции. Я хотела бы поговорить о содержании жизненных навыков, а для этого нужно начать с их истории и разобраться с ситуационными факторами.

Канальные факторы

Первое заблуждение относительно жизненных навыков в том, что идея их развития появилась в поведенческом подходе к личности. Это не так. О том, что человек бывает беспомощен перед обстоятельствами, сложившимися в конкретной ситуации, очень зависит от этих обстоятельств, впервые заговорил немецкий психолог Курт Левин. В его теории личности, созданной еще в тридцатые годы, поведение рассматривается как функция поля. Источником мотивов поведения человека является не свободный выбор его личности и даже не ее переживания, вообще не сама личность, но обстоятельства, ситуация. Человек с точки зрения теории поля как бы "идеен ситуативной повехностиостью жизни и, собственно, не совершает волею личностный акт выбора, а дрейфует по линиям наименьших сопротивлений под действием переменчивых ветров "психологического поля".

Гораздо позднее, в шестидесятые годы, в рамках известного на всю Америку спора представителей последовательного ортодоксального бихевиоризма и классической гуманистической психологии о том, насколько же свободна личность, в качестве аргументов в пользу несвободы бихевиористы приводили очевидные факты. Действительно, существует множество ситуаций, в которых люди становятся как бы одинаковыми и предсказуемыми, в которых стираются индивидуальные особенности, различия в ценностях и убеждениях. Хотели сделать, как лучше, но... обстоятельства так сложились. В общем, получилось, как всегда. Стянуть вспомнить.

Вопрос о роли ситуационных факторов в шестидесятые годы был в американской психологии не менее острым, чем вопрос о целостности человека, провозглашенной гуманистическими психологами. В те годы, годы настоящей гуманистической революции в обществе, последовательный ситуационный подход был проведено несколько ставших классическими экспериментов, к всеобщему недоумению, недумисмысленно подтвердивших худшие предположения о природе человека. К ним относятся, в частности, эксперимент американского социального психолога Стенли Милгрма, результаты которого имели такую широкий резонанс, что о нем знают сегодня не только психологи. (Об этом эксперименте мы рассказывали в другом номере журнала.) В середине шестидесятых годов, находясь под впечатлением уроков второй мировой войны, американский психолог С.Милгрэм выдвинул тезис о том, что люди не только попадают под влияние ситуационных факторов, но и склонны недооценивать это влияние. В доказательство он провел эксперимент, в котором обычные люди, мужчины, приглашались по объявлению в газете поучаствовать в научном эксперименте. Задание эксперимента было якобы получение новых способов эффективной тренировки памяти. В лаборатории они встречались с поставным участником эксперимента — симпатичным и доброжелательным человеком, также представлявшемся как испытуемый. Затем появлялся экспериментатор, человек несколько авторитарный, но вполне соответствующий представлениям об ученом. Подставной испытуемый назначал на роль обучающего, а "человеку с улицы" предстояло выполнять несложную функцию: стоя за стеклянной перегородкой, нажимать на кнопки, приводя в действие аппарат, который бил испытуемого током за каждую допущенную ошибку. При этом сила тока после каждой ошибки возрастала на 15 вольт, так что через некоторое количество попыток становилась смертельно опасным. Рядом с исполнителем находился тот самый строгий экспериментатор, который каждый раз, когда испытуемый пытался прекратить испытание, говорил ему: у вас нет выбора, вы должны закончить эксперимент, ваше дело — нажимать на кнопку, за последствия отвечаю я и т.д.

"Подставной" испытуемый за стеклом, ударом пытаясь отвечать на вопросы учебной задания, после нескольких вариантов током начинал кричать, требовать прекращения эксперимента, а затем просто отступал. Однако экспериментатор продолжал требовать нажимать на кнопки, расценивая отсутствие ответа как обычную ошибку, 68 процентов(!) участников этого эксперимента довели силу электрических ударов до максимальной отметки, то есть фактически одобрили человека с которым только что познакомились и который произвел на них самое благоприятное впечатление...

Потрясенные результатами патологического слушания испытуемых, исследователи стали искать причины такого воздействия ситуации на поведение человека. Одним из важных выводов был следующий: люди, бывшие испытуемыми, понимали, что нужно прекратить, но у них не было оговоренного способа выхода из игры, а предлагаемые ими способы отвергались. Не зная, как настоять на своем и перейти к твердому решению, они чувствовали себя очень неуверенно. Все то, что делает человека более уверенным и облегчает реализацию замысла (оговоренные заранее способы поведения в ситуации, напоминания, карты-схемы и иные варианты и подсказки), Курт Левин называл канальными факторами.

Чужое, например, как легко канальные факторы претворяются в способ манипулирования человеком. Например, обычные покупатели дается четкая и подчеркнута простая информация о том, как отдать деньги (просто подним трубку и отказать от покупки, всегда чрезвычайно затруднен. Это не значит, что у предприятия нет прав, теоретически они есть, но чтобы воплотить их в жизнь, ему придется переждать десяток требующих очереди шагов — по статистике их совершают даже в случае неудачества при дорожающих покупках так же 32 процента. А 68 процентов! Молчат, опускают руки, потому что им не предоставили готового способа поведения, они не уверены в том, как поступит в этой ситуации поступать.

Принципы или привычки?

Еще одно заблуждение относительно значимости канальных факторов описывают американские социальные психологи Ли Росс и Ричард Нисбетт. В своей книге "Человек и ситуация" они пишут о том, что люди и никак не понимают, будто человек обычно действует в соответствии со своими принципами и ценностями. В доказательство они приводят исследование 1988 года (Ньютом, Гриффит, Росс), в котором испытуемых просили "поуражкаться" в предсказании поведения хорошо знакомых им людей, проверяя якобы знание ими психологии. Нужно было предположить, как поведет себя человек, когда его студент пожертвовать какие-нибудь продукты в пользу фонда для малообеспеченных студентов. Людей, чье поведение предсказывало, разделили на две "полярные" группы: тех, кого окружающие считали скардными, прижизненным людям, и, наоборот, тех, кто слыл щедрым. Затем всем, и щедрым, и прижизненным, прочитали лекцию о походящих студентах, а в конце лекции половине слушателей (среди них были люди с разными установками) раздали листовки с указанием местоположения пункта, где принимается пожертвования и часов его работы, другого условия — таких канальных факторов не предоставляли. По прошествии оговоренного времени сравнили предсказания и реальное поведение людей с разными установками.

Аналитики предположили, что при отсутствии канальных факторов слушатели близки к 16% скардных и 80% щедрых. При наличии — 17% и 83%. Иными словами, аналитики практически игнорировали такую мелочь, как оговоренный и хорошо представлений способ поведения. В действительности при отсутствии помогающих факторов до центра пожертвований дошли 8% щедрых и ни одного скардного. При наличии таковых факторов — 25% скардных и 42% щедрых. Эти данные так же, как и результаты эксперимента Милгрма, показавшие невероятными и были многократно перепроверены. Сегодня они признаны классическими. Действительно, не всегда верно такое предположение о природе человеческой: если человек считает, что нужно и правильно то то сделать, то найдет способ это сделать. Отсутствие твердого знания способа и условий, облегчающих начало действия, — реальное препятствие на пути к реализации собственных ценностей и воплощению позиций.

Теоретическое знание способа — это не что иное, как привычка или хорошо усвоенное действие, которое можно также назвать навыком. Что же, получается: хорошие привычки лучше хороших принципов?

Реципрокный детерминизм

Вернемся к дискуссии о свободе или детерминизме личности. В этом многолетнем споре между представителями гуманистической психологии, с одной стороны, и психоаналитического и ситуационных подходов, с другой, давно уже не звучат радикальных позиций. Представители детерминистской точки зрения ввели понятие реципрокный детерминизм. ("Человек зависит от среды, но он может эту среду изменить, а среда зависит от человека, автор когнитивной теории личности Альберт Бандура.) Гуманистические терапевты на собственной практике сталкиваются с проблемой воли — страха перед изменениями, наличия ситуаций беспомощности личности, когда для реализации сознательного решения требуется какая-то помощь извне, помощь ситуации.

Таким образом, всеми практическими психологами признается факт, что существует реальный пласт проблем, связанный с невозможностью реализации собственных решений, страхом перед действием.

На наш взгляд, обучение конструктивным способам действия добавляет личности новые возможности для свободного выражения себя. Альберт Бандура, наиболее влиятельный психолог в рамках ситуационного подхода, описал модель, приближенную к реальности. Действительно, трудно реализовать свои индивидуальные пристрастия, игнорируя влияние окружающих тебя людей и обстоятельств. Однако человек своим собственным поведением может изменить установки и поведение окружающих и сделать среду своего обитания совсем иной. Например, песенка: "Попелушка, люблююю тебя, и она к тебе не раз еще вернется" — иллюстрация реципрокного детерминизма. Не только слова, слова и поведение человека, его реакции и его чувства определенным образом воздействуют на партнеров по общению. Одно поведение вызывает определенность и отуждение, а другое, напротив, желание помочь и поддерживать. В общем, как аукнется, так и откликнется. Альберт Бандура, исследуя возможности "наыковых" обучения, особенно в связи с проблемой агрессивного поведения у подростков, настаивал на том, что человек несет ответственность за свое поведение в ситуации. Не только перед людьми, которых он затрагивает, но также перед самим собой, ибо он по законам реципрокного детерминизма своим поведением организует свое будущее.

Ситуации и навыки

Вернемся к Тане, какие жизненные навыки пригодились бы ей в первую очередь?

Пожалуй, прежде всего отказать, не испытывая при этом чувства вины. Я бы предложила ей поупражняться не только в обреченной технике, которую можно назвать "Как сказать "НЕТ" и не потерять друзей", но обязательно обсудила бы с ней идею о том, что, отказывая, она отклоняет всего лишь конкретное предложение, а не человека.

Не менее важно для доброжелательного человека владеть всем спектром навыков уверенного и твердого поведения. Активное слушание с его знаменитым приемом фразы: "Если у тебя правильно понял?" (И далее задаем вопрос, в котором своими словами формулируем услышанное, стараясь придерживаться фактов.) Навык заезженной твоей просьбы, который позволяет, не повышая голоса, дать понять ситуацию серьезности твоей просьбы. Навык уверенного требования, применяемого в ситуации, когда кто-то нарушает введенное место толерантности. Я позвонила бы девочке с тем, как реагировать на справедливую и несправедливую критику". Наконец, исследовала бы с ней проникновенный (действительно проникающий через живые защитные барьеры) навык "я высказывания", открытого сообщения собеседнику о своих чувствах ("Когда ты сказал (сделал то-то), я почувствовала то-то и то-то. Наверное, это потому, что...")

Перечисленные умения полезны в ситуациях, когда имеет место нарушение прав личности, ее границ в контакте: сомнительные предложения, особенно сопровождающиеся давлением группы; последовательное ретренирование стоявшим выше по статусу или по возрасту; откровенное запугивание, давление и попытки манипулирования. Несмотря на уперенность в том, что Танечка — человек навязчивый и манипулятивный, я бы обсудила с ней некоторые ситуации, научила бы делывать, незнание которых может сделать ее саму невольным "агрессором": лично невольным, по неопытности, ибо логика чужих чувств может отличаться от логики чувств ее собственных. Для этой цели можно было бы вспомнить навык "как спрашивать разрешения": чтобы, не делая обид, девочка в чужом доме не заслужила репутацию вороватой. Навык "благодарности" подсказывает, как быть в ситуации дарения и как относиться к одолжениям, тем же сделанным. Особо важно было бы остановиться на навыке помощи, проанализировав типичные ошибки начинающих помощников. Поговорить о непростом навыке истинной просьбы и научиться отличать истинную просьбу от манипулирования, скрывающегося под видом просьбы.

Когнитивная составляющая навыков, или Концепции о жизни и о себе

Уделяя внимание так называемому открытому поведению, то есть тому, что можно "увидеть" и "поставить" как в театре или в танце, все время, однако, думаешь о том, как важно, чтобы подросток не перепутал сами ситуации: в какой из них нужно просить, а в какой — требовать, в какой рассчитывать на свои силы, а в какой — просить помощи. Все это уже более тонкая материя, чем набор умений, описывающих поведение человека мирного, но, когда необходимо, умеющего твердо отстоять свои права. Речь идет о том, как человек воспринимает и маркирует ситуацию, может ли он видеть реальное положение вещей и вести себя реалистично? Ответы именно на этот вопрос представляют ту степень доверия, которую испытывают к человеку представители различных подходов к личности. Наибольшее доверие к человеку замечены в гуманистической парадигме. Так, Карл Роджерс пишет, что "субъективная карта", которая складывается у человека из его опыта переживания, в целом у психологически зрелового человека реалистична, ведь он может вести себя реалистичнее. Более того, человек склонен все реалии проверять, соответствует его схема реальности или нет. Однако есть фрагменты индивидуальной карты, которые по каким-то причинам проверены неправильно или вообще оставлены без review. Это зоны проблем.

Действительно, практически любая теория личности и практика помощи человеку, построенная на ее основе, вынуждены объяснять одни те же самые феномены — люди далеко не всегда хотят видеть, слышать, воспринимать мир и себя такими, какими они есть на самом деле. Они живут иллюзиями, которые меняют убеждениями или мнениями, а иногда еще — и приватными идеалами. За свои нереалистичные представления приходится платить большими неудобствами, проблемами, а иногда и страданиями. Рождаются нереалистичные схемы в детстве, как правило, они связаны со страхом не соответствовать каким-то нереально высоким стандартам. Эти схемы не дают chance тиранят человека, либо требуют от него чрезмерного напряжения и никогда не способны расслабиться.

Навык, который позволяет отличать реальные факты от предположений и мнений, можно сформировать уже у семи-восьмилетних детей. Так, уже в этом возрасте дети понимают, что утверждение "если, то" делает ошибки, заставляет называться дураком", — всего лишь мнение, даже если оно высказывается авторитетной учительницей. Также к разряду мнений относятся утверждения "2-й "А" — лучший класс в нашей школе", "Я никогда не поправлюсь Марья Петровна" и многие другие. Более реалистичными будут утверждения: "Ошибки делают все люди, которые что-то пытаются делать в первый раз", "2-й "А" — класс, к которому мы относимся", "Марья Петровна делает мне замечания и исправляет мои ошибки".

В более старшем возрасте можно поработать с типичными подростковыми иллюзиями: "Человек рожден для счастья, как птица для полета", "Меня никто не любит", "Родители должны давать мне больше свободы"... Наша Танечка скорее всего относится к людям со следующим убеждением: "Все люди хорошие, а тот, кто злой, — просто очень несчастен, оттого что его никто не любит". Эта концепция, безусловно, влечет на выбор ею того или иного поведения и, как мы с вами понимаем, может быть очень далека от реальности.

Так чем же мнения отличаются от реальности? Тем, что выборы, которые человек делает на основании этих нереалистичных концепций, не выдерживают проверки этой самой реальностью. Разочарование и слезы, недоумение и неуверенность обесценены, если не поверить свои выборы предстали описанию. О мире и о себе, обо всем связанном. Нереалистичны и поэтому потенциально опасные проблемы такие представления: "Я должен быть безупречным", "Я всегда должна быть сильной", "Я — особенная, я лучше (слабее, чувствительнее, умнее, талантливее) других, поэтому общие правила — не для меня", "Я никогда не смогу (чего-то), потому что я слишком (не важно, какая), поэтому справедливо, что я всегда попадаю на вторые роли, и все использую меня".

И еще о себе: "Я должна быть безупречной". О других: "Все тоже должны быть безупречны", "Люди несовершенны", "Люди не должны вести себя так (не важно, как)", "Это не, выходящий пилотаж" или "Мог бы лучше", "Они заслуживают такое плохое обращение".

О себе: "Я всегда должна быть сильной". О других: "Мне не важна ваша помощь (жалость)", "Кому помочь?". "Люди не должны вести себя так (не важно, как)", "Почему люди так неблагодарны?".

О себе: "Я особенная, поэтому общие правила не для меня". О других: "Они должны быть благодарны, а я прощу помощи у них" или "Все должны мне помогать", "Ах, они покороны мною, я все для них сделаю", "Люди неблагодарны", "Я (дружу только) с теми, кто может за себя заступиться", "Люди не должны вести себя так (не важно, как)", "Жизнь несправедлива" и т.п.

И вот концепция добрых девушек: "Люди хорошие или несчастные, их нужно жалеть, а я испытываю к этому человеку агрессивные чувства, ведь он очень обидел меня, значит, я злая, так мне и надо, и он ко мне относится справедливо, как я того заслуживаю". Так Танечка становится терпеливой жертвой.

От способности или неспособности видеть реальность зависит поведение, выбор человека, наконец-то, какое будущее он себе построит.

В формировании этих способностей нет ничего сложного, интеллектуальная составляющая может быть разложена на пункты и вывод, аргументация способна убедить любого. Однако важно, что проходит целая жизнь, пока человек наконец не поймет (а может, так и не поймет), что обиделся в своих друзьях. Известны слова Марка Твена: "В семнадцать лет я был ублюдком, что мой отец кружил дурак. В двадцать один год я был поражен тем, сколько мноному старик научился за четыре года..."

Диалог с собой

Живучесть нереалистических концепций объясняется тем, что за ними стоят наши переживания, плохие или хорошие, но сильные и, как правило, забытые.

Когда речь идет о мире переживания, помощь может гуманистическая психология. Когда человек страдает и не может его устранить, радуется, прикасаясь душой к тому, что ему нравится; отключается, чувствуя свою беспомощность, выносит себе приговор, внутренние смятения от чувства вины, или когда он вполне одного варианта, отказываясь тем самым от всех невыбранных, либо он ведет вступительный диалог, — все это работа его души. И она также может быть представлена в виде конкретных единиц, отдельных действий. Эти действия, с некоторыми оговорками, могут быть формализованы и описаны, более того, им также можно сознательно обучать, так сказать, задавая их ориентировочную основу.

О чем здесь можно идти речь?

Прежде всего — о доступе к собственным чувствам. Такие простые навыки, как определение места локализации чувства в теле, идентификация чувства по телесным признакам и определение интенсивности чувства доступны уже шести-семилетним детям, ученикам начальной школы. (Я писала о навыках в рамках обучающего курса "Уроки психологии в 1-м классе".) Особо о навыке "обожжения" в гневом. Более сложной, но вполне possible на соответствующем материале может считаться работа с тревогой и неуверенностью. Отдельно стоит одна из самых эмоционально насыщенных тем — обожжение с печалью.) Но мы должны говорить с детьми не только о проблемах, связанных с отрицательными эмоциями — гневом, страхом, тревогой. Когда человек не заботится о радостях и удовольствиях, он также оказывается в очень тяжелой ситуации. Так, много работающие и не позволяющие себе радоваться люди попадают в зависимость от грубых эрзацев, заменитель тонкого переживания "наравнать". Более всего вредит этому переживанию однообразие, поэтому культуре прелюдия пролежня удовольствия, расширения ассортимента удовольствий и добавления в него обязательств жизни приятных элементов совершенно необходимо учитывать в допущенной области. Лев Николаевич Толстой утверждал, что все старинные семьи счастливы одинаково. Хотелось бы "списать" этот универсальный инвариантный рецепт семейного счастья. Может быть, в счастливых семьях само собой без всякого осознания и происходит обучение искусству находить в жизни привлекательные стороны?

Как искать опору в себе и в мире, как учиться уважать того, кто не соответствует твоим ожиданиям, как прощать себя и дорожить своим карьерой и многое другое, может быть, по моему мнению, превращено в умения, хорошие привычки. Все это может стать содержанием специального психологического обучения школьников.

Основания для оптимизма

Навыки, достойные человека, могут и должны, на наш взгляд, стать содержанием сегодняшнего воспитания. Почему? Прежде всего потому, что воспитатель (педагог) открываются возможности деятельности диагностики проблемного поведения ученика: лететь педагог может видеть проблему как дефицит социальных умений. Ведь когда у детей и подросток систематически формируются социальные умения, тем самым создается высокий уровень "я могу". Многие психологи, и отечественные, и зарубежные, указывают на то, что еще до возникновения подросткового кризиса детей необходимо снабдить психологическими средствами для его разрешения. Типовые возрастные проблемы "запращивают" у личности определенные ресурсы. Умение понимать свои чувства, ориентироваться в чувствах и мотивах другого людей, настраивать на своем или, наоборот, уступать, планировать и достигать друзей и другие умения составляют ядро тех самых ресурсов. Ощущение своих больших возможностей совершенно определенным образом влияет на мотивацию человека. Людьми, и особенно тем, у кого невысокая самооценка, правды сделать, что у них получается!

Поскольку за предлагаемой системой социальных умений стоят гуманистические ценности, происходит "прямая трансляция смыслов", подспудное сообщение о ценностях, стоящих за тем или иным умением. В практике работы постоянно возникает ситуация, когда от прагматической цели занятия "как наилучшим образом сделать то-то в такой-то ситуации" разговор переходит к ценностям осознания выбора, к жаркой дискуссии о нравственных основаниях жизни. Надо признать, что в современной школе встречается не так много подобных поводов.

Наконец, работа с навыками — это деятельная модель добра и человечности. Собственный опыт детей, сумевших в конкретной ситуации продемонстрировать достойное поведение, а затем увидеть, как оно влияет на окружающих, фактически делает их проводниками и защитниками стоящих за этим поведением норм и ценностей. Разве это не есть воспитание?

Итак, выступая против назиданий, мы все-таки предлагаем свой рецепт счастья. Надо только попробовать пожить с этим. Может быть, один раз или одну неделю. Мы оставляем за учеником право выбрать самому, что для него актуально. Такой позиции мы ожидаем и от учителя или школьного психолога, которые возьмутся за непростую задачу систематического включения данного содержания в работу по профилактике подростковых проблем.

Сообщение, живущее по законам справедливости, коллектив, готовящий свою школу как открытую систему, конечно, более восприимчив и способен к эффективному использованию предлагаемых идей. Однако даже один учитель, который умеет повести за собой, умеет в жалоба ребенка увидеть дефицит навыка и подсказать ему способ действия, уже делает для этого ребенка очень и очень многое. В какой бы школе он ни работал.

Вот как выглядят в "сжатом виде" несколько навыков, о которых мы подробно рассказывали в номерах журнала. Мы полагаем, что к окончанию школы подросток должен владеть несколькими десятками жизненных навыков подобного рода. Не так уж много на фоне школьной программы.

Как сказать "НЕТ" и не потерять при этом друзей **Как помочь себе быть услышанным** **Как обходиться с собственной неуверенностью?**

- 1 Прямо заяви свою позицию, не ссылаясь ни на какие обстоятельства.
- 2 Соглашайся с доводами, но стой на своем. "Да, ты прав, но предположение есть привлекательные моменты, но я НЕ буду этого делать". Повторяй это в ответ на все уговоры, которые слышишь.
- 3 Продолжай слушать, а кивая, говори: "Мой ответ — все равно НЕТ".
- 4 Переходи в наступление. Спроси: "Почему ты на меня давишь?".
- 5 Предложи что-то другое, а выдвинь встречное предложение, которое ты не считаешь сомнительным.
- 6 Коротко введи собеседника в суть своей просьбы. Например: "Вчера я очень переволновался, когда ты не вернулась домой вовремя, я злился на тебя и пила валокордин".
- 7 Сформулируй то, что хочешь сказать в позитивной форме и коротко. Попробуй сделать это так: "Пожалуйста, в следующий раз зови мне, когда заговоришь". И не говори: "Никогда больше не делай".
- 8 Выслушайте объяснения и оправдания, соглашайся с каждым из них в отдельности, и добавляйте небольшие заезженной пластинки, к каждому из них текст своего послания. Например: "Ты совершенно прав, ты был с Таней, она мне нравится, и, пожалуйста, позвони, если решила задержаться, когда в следующий раз будешь у нее".
- 9 "Да-да-да, я считаю, что ты сильный и озорной, поэтому, пожалуйста, позвони мне и скажи, что ты жив".
- 10 Проверь на реально посмотреть на ситуацию реально, при этом отдели чувства от фактов и мнения от фактов.
- 11 Проверь, на что вы можете опереться в данных обстоятельствах. Вычлени внешние и внутренние опоры.
- 12 Продумайте ситуацию заранее, отталкиваясь от "опасной площадки", если случится "худшее". Продумайте тактику и стратегию отступления, действия и слова.
- 13 Проясните ожидания и потребности к себе. Напомните себе, что не ничего не делает.
- 14 Настройте все внимание на задачу, которую нужно решить, не думайте о себе и своем состоянии.
- 15 Выберите для себя достойную награду.

Когнитивная психология — общий подход в психологии, в котором основное внимание уделяется внутренним мыслительным процессам.

Бихевиоризм — подход в психологии, в котором утверждается, что единственным предметом исследований в научной психологии должно быть наблюдаемое, измеримое поведение.

К ситуационным подходам относят теорию поля Курта Левина и поведенческие теории Э.Толмена и Б.Скиннера. Все они полагают, что поведение человека полностью детерминировано параметрами ситуации.

Психоаналитическая теория личности Зигмунда Фрейда доказывала, что все мотивы поступков взрослых людей детерминированы их детскими комплексами и родительскими внушениями. Представители ситуационного подхода полагают, что человек мотивирован не собственной волей и даже не собственными детскими проблемами, а всего лишь параметрами ситуации. С этим радикальным подходом активно полемизировала гуманистическая психология: в ее предельных человек заслуживает большого доверия и права на свободу воли...

ИЗ ДЕВОЧЕК В ДЕВУШКИ | ирина прусс – журналист, редактор отдела журнала “Знание-сила”.

Часто ли вы разговариваете со своей дочерью на темы совсем интимные? Часто ли вы вообще разговариваете с ней, и доверяет ли она вам настолько, чтобы поддержать столь щекотливый разговор? Вряд ли ответы будут положительными дважды. А вы сами в юности с кем вели подобные разговоры? С подружками. Или вообще ни с кем не говорили об этом.

Между тем, как выясняется, девушкам очень важно говорить об интимной стороне своей жизни. И когда культуролог Сергей Борисович Борисов из небольшого западносибирского города Шадринска (Курганская область) попросил студенток местных вузов написать “интимно-эротические” воспоминания (разумеется, анонимно) о своем детстве и отрочестве, он получил в конечном счете около десяти тысяч рукописных страниц. Кто-то представил краткую отписку, кто-то, увлекшись, размахнулся на сто страниц, но чаще всего писали страниц по десять – пятнадцать – вполне достаточно, чтобы представить нам чувства, образы и нормы поведения взрослых девочек. Сплошь промышленный город Шадринск, каких по России великое множество, очень даже годится, чтобы сослужить службу нашего социокультурного Middletown’a; так что по этим воспоминаниям можно судить о тайных переживаниях девочек/девушек по всей стране.

Невинное невежество

Первое, чем поражают интимные воспоминания студенток, – глубина их невежества в этой области и непомерная длительность периодов этого невинного невежества. Как будто нет ни телевизора, на развращающее влияние которого так часто ссылаются, ни дискотек и старших сестер, завсегдаев этих дискотек, ни любовных романов и дворово-подъездного просвещения. Как будто нет и не было никакой сексуальной революции, о которой так любят говорить учителя, врачи, родители и средства массовой информации.

Ну хорошо, до семи лет современные девочки в подавляющем большинстве убеждены, что детей приносит аист, находят в огороде или покупают в магазине – сюжеты абсолютно те же, что были на эту тему и двадцать, и сорок, и семьдесят, и сто сорок лет назад. Но чтобы пятнадцатилетняя девочка, впервые поцеловавшись с мальчиком, потом с ужасом измеряла свою талию в ожидании неминуемой беременности?!

“В 14 лет я поцеловалась с мальчиком в подъезде, когда он проводил меня из школы домой... Девочки сказали, что читали, будто от поцелуя можно забеременеть. Меня чуть удар не хватил. Каждое утро я вставала и бежала к зеркалу смотреть, не растет ли живот...”.

“Одна девчонка дружила с парнем. Ей было 15, а ему – лет 20-21... Однажды вечером в подъезде он задержал ее и просто поцеловал в губы. Она сначала смутилась, постепенно это смущение перешло в страх. Она испугалась, что натворила что-то непоправимое... решила, что скоро будет беременной от такого пламенного поцелуя”.

А двенадцатилетняя девочка, впервые узнавая, чем занимаются ее родители перед тем, как у мамы начинает расти живот?!

“Примерно в 12 – 13 лет я от подруги узнала о зачатии. Для меня это показалось чем-то очень ужасным, я долго не могла поверить в это, я не могла представить себе, что мои родители тоже этим занимались, ведь у них были мы с сестрой. Я не могла себе представить, что мне придется с кем-то этим заниматься, ведь я очень хотела иметь детей...”.

“Когда же я наконец это поняла, около 15 лет, у меня был настоящий шок. У меня к родителям возникло отвращение. Я старалась преодолеть в себе эти чувства. Говорила сама себе, что все нормальные люди занимаются этим, но тем не менее мне было так пакостно на душе...”.

Шоком для девочек слишком часто становится первая менструация: мамы не готовят дочек к такому событию, и успокаивают только подружки постарше:

“Мы после окончания 7-го класса поехали всем классом в Ленинград. И по дороге туда я почувствовала недомогание, у меня заболел живот, я подумала, что отравилась. Но когда я пошла в туалет, то увидела кровь. Не передать словами тот испуг, который я испытала. Я целый день пролежала на полке и не знала, что делать. И вот к вечеру я отважилась и рассказала своей подружке”.

“Когда я увидела кровь, подумала, что умираю. У меня началась истерика, но мама меня потом успокоила. Я считаю, что надо было раньше со мной об этом поговорить”.

Вспомните, как в анекдотах малолетки просвещают своих родителей относительно секса и эротики. В каждой шутке есть всего лишь доля шутки – получается, мы видим своих детей куда более “продвинутыми”, чем они есть на самом деле...

Невежество их особого рода. Шадринский культуролог находит множество соответствий тем нелепостям, что царят у них в головах, в мифах, сказках, в архаических текстах, дошедших до нас из глубины веков или бытующих и сегодня в найдебитных племенах дальних уголков Земли. В самом деле в мифах народов мира вы найдете практически все, что можете услышать от собственных детей: что дети “заводятся” от слюны, от особой пищи или питья, что они изначально существуют в животе девочек, а потом вырастают и их оттуда извлекают, рассекая живот: “Когда приходило время рожать, жрицы разрезали матери живот. Мать умирала. Так было всегда” – этот сюжет, привезенный этнографами с Маркизских островов, оказывается, популярен среди современных городских девочек.

Интересно, что эти архаические образы, неведомо как занесенные в детское сознание, до поры до времени усваиваются ими куда успешнее, чем научно-популярная информация на сей счет – как раз она-то приобретает в их головах весьма причудливые очертания. В одной из работ девушка пишет, что до поступления в детский сад была убеждена, что лично она произошла от обезьяны – как и все вокруг. “...Для того, чтобы у мамы с папой появился ребенок, они сдают свою кровь в больнице, ее смешивают с кровью обезьянки и дают обезьянке выпить кровь, и получается ребенок”. Именно так она поняла телевизионную научно-популярную передачу.

Очевидно, как заметил это еще великий Карл Юнг, детское сознание в принципе архаично и в своем развитии как бы повторяет этапы, давно пройденные человечеством. Потому до определенного возраста от детей будто отскакивает информация, “не соответствующая” их возрасту. И потому развращающее влияние зарубежных (да теперь и наших) фильмов, клипов, современной эстрады, гляцевых обложек мы, взрослые, как выясняется, сильно преувеличиваем.

Любопытство и сладкий ужас

Сложная смесь чувств сопровождает созревание девочки, как, впрочем, это было и в прежние времена. Тут и напряженное любопытство, подстегиваемое ранней игрой гормонов, и страх перед неведомым и необратимым (“непоправимым”), и стремление соответствовать нормам и требованиям окружающих, и гордость самим фактом взросления, с которым повышается статус.

Обилие вариантов зачатия и родов, которые бродят в детских головах, говорят об их неослабевающем интересе к этой сфере. Но они не только об этом разговаривают: когда мы их не видим, они пускаются в весьма рискованные исследования и игры. Как выясняется из исповедей девушек, первое подходящее место для этого – детский сад, и время – дневной сон. Достаточно воспитательнице выйти за дверь, дети залезают друг к другу под одеяло, рассматривают и трогают гениталии друг друга – прекращают пожимать, что заняты чем-то запретным. Такое “сними трусики, дам яблочко и конфетку” продолжается лет до 10; этим занимаются в подвалах, в шалашах, построенных сначала для тимуровско-пиратских игр, под лестницей в подъезде.

В ролевых играх интерес, так сказать, гормональный пересекается с интересом социокультурным: дети пытаются воспроизвести то, что представляют себе весьма смутно, чтобы овладеть практиками, которые им еще не даны. Они забираются в постель, обнимаются, целуются, порой снимают трусики, поворачиваются спиной друг к другу и трутся попками. Остальные участники игры их окружают и внимательно следят за каждым движением, внося собственные поправки, комментируя, запоминая, чтобы повторить, когда до них дойдет очередь исполнять роль папы и мамы.

Играм с обнажением предаются и дети куда старше. Семиклассники, например, по нескольким девичьим воспоминаниям с удовольствием играют “в бутылочку” на раздевание: на кого указала раскрученная бутылка, тот должен что-нибудь с себя снять, и так иногда до самого решительного конца – правда, трусов они уже не снимают.

Подростковые игры часто проникнуты настоящим эротизмом: задрать девочку-девушке юбку, потрогать растущую грудь, провести ладонью по спине, проверить, не носит ли девочка бюстгальтер, привязать к ботинку зеркальце и, пододвинув его к подолу платья одноклассницы, рассматривать ее капроновые колготки. Все это вызывает резкое сопротивление девочек, порой наигранное; в результате все идет по партам, визжат и полны взаимного удовольствия. В других случаях, когда, например, девочку просто грубо “лапают” в школьной раздевалке, они воспринимают это крайне болезненно, чувствуют себя потом грязными – тем не менее никогда не жалуется взрослым: стыдно.

Между прочим, довольно рискованные игры тоже не свидетельствуют о заимствованной у телеэкрана распушенности – чаще всего это очень древние игры, известные всем фольклористам (кастеты, и слухи о полном целомудрии поведения ирривенских девушек в давние времена очень сильно преувеличены). Подолы девушкам задирали испокон веку на святках, под юбки заглядывали на качелях, что не лишало приятности это занятие и не заставляло его прекратиться.

Много самых разнообразных переживаний приносит собственное пробуждающееся тело. Сергей Борисов отмечает двойственность отношения девочек к росту груди: “Если девочка “маркирует” себя как ребенка, то рост груди выступает для нее как “посягательство” на ее досексуальную “сущность”, а предложение начать носить бюстгальтер звучит как авантюрное предложение провозгласить себя взрослой женщиной. Если, напротив, девочка психологически готова к роли эротически состоятельного субъекта, то обладание “высокой” грудью и обусловленное этим право носить бюстгальтер становятся для нее желанными, и она страдает от невозможности это желание реализовать”.

Вообще все, что связано с бюстгальтером, – сюжет чисто культурный, поскольку никакой физиологической необходимости в его устройстве нет, это только символ взрослости, принадлежности к касте посвященных. Но это “только” оказывается очень сильно окрашено эмоциями.

“Ни о каких бюстгальтерах я не хотела и слышать. Я стеснялась их одевать, вдруг кто-нибудь увидит, особенно мальчишки. Они непременно начнут дразниться”.

“У меня рост молочных желез начался в 7-м классе. Для меня это было вроде чего-то отвратительного, так как вызвало боль в груди и смущение. Я старалась не одевать облегающей одежды, тем более прозрачной. В школу ходила в свободные блузны, появлялись проблемы, когда мы ходили на медосмотры, проблемой стали и уроки физкультуры”.

“Я стала носить бюстгальтер регулярно только тогда, когда поступила на первый курс института”.

А вот переживания иного рода:

“По своим физиологическим возможностям я занимала относительно не первые места. В классе было много девочек, созревших много раньше. Они ужасно гордились этим, мнили себя женщинами, ходили важно, говорили, протягивая слова, например: “Ну-у, я-я те-ебе-е уже го-ово-ори-ила-а”. Меня это бежало невыносимо. Я страдала оттого, что они могли носить бюстгальтеры, а я – нет (даже плакала от зависти!). А когда стала такой же, как они, долго смеялась над своими слезами. Теперь я тоже считала себя полноценным человеком”.

“В 14 лет моя грудь начала расти, и мне это нравилось. Я могла подолгу стоять в ванной и смотреть на свою растущую грудь, я была в восторге. Я ждала, когда смогу наконец надеть лифчик и снять эту надоевшую майку. Я перетрясла мамин шифоньер, пытаясь найти себе что-нибудь по размеру, но – увя. Мамина грудь была намного больше. А мне хотелось, чтобы у меня, как у многих, через кофточку просвечивали ляпочки и застеежка”.

Но важнейшее событие этого периода, что-то вроде инициации – посвящения во взрослое, судя по исповедям девушек, – первый поцелуй. Именно он как бы освобождает девочку от полной, тотальной родительской опеки, дает ей право на самостоятельность:

“Как будто бы поцелуй стал границей между детством, в котором практически все разрешали родители, и тем, когда хочется делать все, но это не всегда будет приниматься родителями”.

С ним связано одновременно чувство утраты: “Такое чувство, будто я потеряла что-то такое, чего уже никогда не возратить и не повторить”.

“... нам казалось, когда поцелуешься, потеряешь свое целомудрие” – и чувство гордости: “Некоторые рот вытирали, а потом бежали чистить зубы. Но зато потом дикая гордость: целовалась!”

Опять чисто культурная заданность смысла, поначалу почти без всякой физиологической подкладки: первый поцелуй, которого так ждуть, к которому готовятся и даже тренируются друг с другом и со старшими подружками, является разочаровывает – мокро, противно. Но по следам определенного возраста – лет четырнадцать-пятнадцать – нецелованной оставаться стыдно, “вроде ты никому не нужна”.

Однако ветренность, готовность целоваться с кем угодно, часто меняя партнеров, тоже не поощряется в девичьей среде: оказывается, она во многом более консервативна, чем среда взрослая.

Тут есть свой парадокс: рискованные детские и подростковые игры, пронизанные эротикой, отдельно, а рассуждения о целомудрии и решительная готовность ее хранить – отдельно. Это есть, последнее не предшествует первому, а, наоборот, приходит ему на смену.

Вот типичный с этой точки зрения рассказ:

“С мальчишками обнимались в построенном в парке шалаше, куда приносили одеяла и ложились голыми на них и под одеяло, прижимались. Причем раздевались не в открытую, а под этим же одеялом. Среди парней именно в такой ситуации была всего одна девочка. Если присутствовало две-три девочки, об этом умалчивалось и даже не упоминалось. Парней было два-три-четыре. Помню, что Д.Л. все время жаловался попать к нам, но его не брали. Он даже ревел. Не знаю, почему, но мне нравились подобные игры, но всегда очень долго “ломалась”, прежде чем согласиться... Но со временем, годам к двенадцати, это прошло как-то разом”.

И вот именно когда “прошло как-то разом”, начинаются заботы о целомудрии.

Ханжеский садизм

Ханжеское общество обычно проявляет склонность к жестокому. Воспитать своих детей в крайней невинности, в определененных случаях оно по отношению к ним же идет на крайне жестокое, циничное насилие. Будто бы, провозглашая всеобщее обязательное целомудрие, общество само не слишком в это верит и при случае не прочь вывести вечно подозреваемых на чистую воду...

“Школа суть социальный институт, в основе которого лежит феномен принуждения. Всякий ребенок (и подросток) обязан посещать школу и, находясь в ее стенах, исполнять все распоряжения, исходящие от “школьных властей” (как эманации государственной власти) вплоть до самых интимных.

Отечественная медицина суть дериват государства. Ей поэтому нет необходимости заботиться о таких мелочах, как эмоции пациента, например, о переживании стыда, чувстве неловкости, смущения. Врачи не считают нужным даже объяснять смысл осмотров или хотя бы проводить их индивидуально, в отсутствии посторонних... Мозг предположить, что подлинный смысл осмотра заключается не в получении медицинских сведений или профилактике, а в психологической “ломке”, своеобразной семiotической дефлорации”, – пишет Сергей Борисов. И приводит ярке иллюстрации:

“Нас чуть ли не всем классом заталкивали в кабинет, заставляли раздеваться по пояс, двери постоянно открывали, врачи ходили туда-сюда... Я чувствовала себя униженной”.

“Первое посещение гинеколога – это настоящая психологическая травма. Училась я тогда в десятом классе. Это была женщина-врач, которая почему-то восприняла меня как извините, потаскушку. На мое приветствие она произнесла: “Половой жизнью живем”. Фраза прозвучала не как вопрос, а как утверждение, поэтому я промолчала. Она же вращала на меня или не на меня, мол, шьемся мы все, где угодно. Предложилась мне, ноги в знаменитое кресло. Я не знала, как к нему подступиться. Вскарабкалась еле-еле, ноги, руки мне мешали. Чувствуешь себя отвратительно, жутко и смешно”.

“Вопрос о том, веду ли я половую жизнь, застал меня врасплох. От растерянности я даже не знала, что сказать. Никаких мазков не делали, просто посмотрели: а что? Все ли из нас девочки? Одноклассницы выходили из кабинета красные, в расстегнутых кофточках (некоторые забывали в испуге их застегнуть). Этот осмотр – я даже не знаю, зачем его придумали? Ни результатов, ни анализов, даже в карточке пометку не сделали”.

Злая подозрительность взрослых в большинстве случаев особенно оскорбительна потому, что именно в это время, как мы говорили, девочки настроены особенно целомудренно:

“Когда мы немного повзрослели, для нас появилось понятие “девичья честь”. Это было свято. Мы считали, что кто не сохранил ее, тот либо проститутка, либо еще хуже. До нас не доходило, что все еще может быть по любви”.

Десять тысяч рукописных страниц девических исповедей могут сильно изменить наше представление о девочках, о временах и нравах, о сексуальной революции, которой, судя по всему, в России просто еще не было... |

СМИ-рение..?

Ирина Хоменко

– кандидат педагогических наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург.

Нидо общественное обсуждение современных педагогических проблем не обходится без вопроса о “тлетворном влиянии телевидения на неокрепшую душу ребенка”. Нас раздражает “тупость” сериалов, агрессия боевиков, бездуховность ток-шоу и отсутствие всякой этики во время обсуждения глубоко личных дел участников телепередач. А если еще и на рекламу посмотреть с педагогической точки зрения, то претензий существенно прибавится.

Наши дети охотно наблюдают за решительными действиями взрослых, определяя для себя ориентиры “правильного” поведения. Возьмем, к примеру, знаменитый “Comet” (который, как уверяют производители, “отчистит все”). Эта реклама транслирует понятную для ребенка очень простую педагогическую модель: если считаешь, что порошок, которым ты пользуешься, – лучший, смело и без предупреждения входи к соседям и активно переустраивай чужой образ жизни, не считаясь с особенностями соседского семейно-финансового уклада. Потом тебе за это только “спасибо” скажут. Не важно, что соседка еще ходит в бигуди, что она не готова к приему неожиданных гостей... Изменим её жизнь к лучшему! Пусть живет по-нашему!

Или другая, “вкусная” реклама про торт “Причуда”, ориентированная, безусловно, на “актуализацию семейных ценностей”. Но как же странно выглядит девочка, которая с удовольствием кормит свои игрушки (Мишу и Машу) принесенным бабушкой и дедушкой тортом, “забыв” с ними даже поздороваться. Дедушка и бабушка умиленно смотрят на внучку, а внучка – на Мишу и Машу... Это реклама. Но как её видят, как воспринимают наши дети?..

Знакомясь с миром, дети впитывают модели поведения (реальные и виртуальные), из которых потом складывается то, что мы называем ценностным отношением к миру, людям и самому себе. То есть, говоря попросту, мировоззрением.

В каждом времени есть культовые явления, соблазны, через которые, взрослея, каждый ребенок проходит словно сквозь волшебную призму, проживая не только свою увлеченность и даже зависимость, но и обретая свою духовную позицию. Этот мир познается через телевидение, игрушки, музыку, развлечения. Можем ли мы смягчить влияние активной поп-среды, бесцеремонно вторгающейся в мир современной семьи?

Известно, что человеком движут две противоположные силы: быть таким, как все и не быть таким, как все. Поиск разумного баланса между двумя этими крайностями можно назвать становлением человека. Ребенок учится или не учится противостоять стадному чувству, подстраиваться под других и “охранять” себя, учиться соотносить “хочу” и “возможно”. В общем, проходит своеобразный социально-психологический тренинг, где в роли первых и самых важных “тренеров” чаще всего выступают родители.

А нам можно только посочувствовать... “Лего”, “Барби”, “тамагочи”, “Покемоны” и “Телепузики”, а также гамбургеры, чупа-чупсы, жевательные резинки и компьютерные игрушки, – поди разберись, что хорошо и что плохо; что запрещать, а что покупать, чтобы не травмировать нежную детскую психику. Но встречали ли вы ребенка, который бы радостно согласился играть оловянным солдатиком, в то время как большинство его сверстников заняты устройством личной жизни красавицы Барби? Я – нет. И, как все приличные родители, проживая счастливое детство своего сына, “шла по этапам” ребенкиных увлечений. Мои педагогические взгляды во время этого процесса кардинально менялись по мере увеличения стоимости нового “хита” и уменьшения нашего семейного бюджета.

И все-таки... Существует ли универсально-компетентное мнение по этому поводу у нашей науки? Есть ли достоверные исследования, которые бы проливали свет на предмет обсуждения? Беглый обзор скудных публикаций на этот счет мало оптимистичен: великая наука Педагогика скромно хранит молчание. Некогда ей, великой, занимаясь такими глупостями, как телепузики – она их и в глаза не видела. Дети растут и приходят в школу с полным набором усвоенных социальных моделей, заботливо подкинутых производителями игрушек и СМИ. Вина за “не такое” поведение деток обычно перекладывается на родителей. Но откуда знать родителям, как связаны причины и следствия? Что считать безобидным развлечением (само пройдет), а что – тревожным фактором?..

Помню историю второклассницы, у которой был длительный невроз, возникший после того, как учительница не разрешила на уроке покормить голодного “тамагочу”, и “тамагоча” умер... Ну не мог он подождать, пока девочка контрольную решит, не было ему дела до контрольной. А учительнице – до “тамагочи”. Вернее, до девочки. Конечно, дисциплина в классе обязательно быть должна, и учебный процесс должен идти согласно нашим образовательным стандартам. Но иногда учебные стандарты вступают в конфликт со стандартами социальными, и ребенок никак не может определиться с их рейтингом.

Ребенок вообще мало что может. Даже отстаивать свои права – и то мы его не научили. А как он может выдержать рекламный прессинг телевидения, если не имеет сопротивления даже агрессивной-навязчивому поведению взрослых? Любой из нас имеет право сделать замечание, потрепать хорошенького малыша за щечку, запретить то, что, по его мнению, не нужно, и вообще распоряжаться ребенком как ему вздумается. Чуть ли не генетическое чувство вины, впитанное нами еще со времен татаро-монгольского ига, щедро культивированное советской идеологией, мешает нам открыто сказать НЕТ тем явлениям и людям, которые нас подавляют. А диктат телевидения, средств массовой информации и массовой культуры, на мой взгляд, начинается там, где человек не может открыто и уверенно признаться себе, что его публично насилюют.

Впрочем, по этому же поводу вспомнилась мне и еще одна история. В шестом номере журнала “Педология/новый век” я обнаружила приложение – маленькую такую книжечку-малышку для детей, в которой рассказывалась история про Маленького НЕТ. Там, если помните, были представлены три ситуации психологического (и не только!) давления на маленького мальчика, из которых он выходит в конце концов победителем и превращается в Большого НЕТ. Выходит победителем через страх и дрожь... Возможно, где-то и переусердствует немного. Но он же – Маленький!..

Среди моих знакомых (педагогов и обычных “непедагогизированных” граждан) высказывались полярные мнения относительно содержания этой книжки. Представители старшего поколения называли этот труд “возмутительным”, коллеги помолже отмечали необычность самого подхода к обсуждению этой темы, а дети с удовольствием рассматривали картинки, на которых узнавали себя. Мои коллеги-американцы, получив экземпляр на другой стороне планеты, вздохнули с облегчением: “Наконец-то и в России началось обучение детей способам отстаивания личной неприкосновенности!”. (Сами американцы в этом здорово преуспели, хотя, на мой взгляд, чересчур.)

Однако самой необычной реакцией, по моему мнению, было суждение профессионального психолога Марка Сартана, аргументированно изложенное в издании “Печатное слово” – приложении к еженедельнику “Школьный психолог”, №3/2001. (К слову сказать, я с уважением отношусь и к газете “Школьный психолог” – за её глубоко импонирующую мне позицию по многим важным для меня проблемам – и к его главному редактору, о чем не преминула сказать ему однажды при первом же знакомстве. А сам еженедельник советую читать всем интересующимся психологией как великолепное практико-ориентированное издание. Приверженность идеям гуманизма и демократическим ценностям делают его чрезвычайно привлекательным.)

Так вот, там книжечка про Маленького НЕТ жестко критикуется, и перспективы для маленького мальчика с такими эгоистическими установками рисуются очень даже мрачные... Не поделился шоколадкой с активным юношей – вырастет жадной (собственно, юноша в таком возрасте уже мог бы и сам себе заработать на шоколадку...), не разрешил себя поцеловать взрослому, чужому дядечке – будет одиноким. (Вообще-то я бы тоже не разрешила себя поцеловать незнакомому дядечке...)

В этой же статье автор критикует и “Билль о правах личности”, широко растиражированный в том числе и на сайтах Интернета. Марк Сартан упоминает и о нашем сайте (Общественного института развития школы), где Билль тоже опубликован. Но вот жаль, что он не дочитал его до конца.

Дело в том, что текст, находящийся на нашем сайте, существенно отличается от других. В конце длинного списка прав, которыми обладает каждый человек по праву рождения, есть скромная, но придающая смысл всему тексту, приписка, и звучит она так: “Заявляя о своих личных правах, человек обязан помнить, что они же есть и у остальных людей”. Жалко, что автор этого не заметил... Потому что, по сути, я целиком с его позицией согласна – нельзя ориентировать детей только на удовлетворение собственных потребностей. Нельзя не учить их учитывать иное мнение и иные способы освоения социального и духовного пространства.

Но возникает вопрос – а как?

Авторы книжки про Маленького НЕТ предложили свой способ, авторы “Билля” – свой. Кто-то, возможно, имеет другие варианты. Можно ли с уверенностью сказать, что все они не подходят? Вернее, что они не подходят всем? Что книжка вышла бесполезной, “неправильной”, неуниверсальной?

Можно... если воспринимать книжку или Билль о правах как инструкцию. Но, может быть, нужно просто сделать их предметом серьезного разговора с ребенком? “Ты как считаешь, должен был Маленький Нет подвинуться и разрешить сесть на скамейку тете, если скамейка была одна?”, “А, как думаешь, права была тетя, которая “не слушает и усаживается рядом?””, “Что бы ты сделал, если бы у тебя силой отобрали шоколадку?”, “А если бы ты очень захотел – сам стал бы отбирать у другого принадлежащую ему вещь, если бы он сам не захотел с тобой поделиться?”... И еще про Билля – “Как думаешь, у меня тоже есть права? А у нашей кошки? Какие?”, “Давай подумаем, как можно защищать свои права так, чтобы не обидеть других людей...”

Мы так привыкли, что нам обязательно скажут, “как надо”, что теперь не пытаемся подходить к любому печатному (или телевизионному) слову как к поводу поразмышлять о себе и своей позиции по отношению к тому или иному явлению. Ратую за формирование субъектности ребенка с помощью демократических инструментов, мы сами вновь и вновь пользуемся традиционными-советскими шаблонами – “Не печатать!”, “Не показывать!”, “Знапнети!”, “Оградить!”, “Не почитать!”. То есть убирать из жизни то, что, показываясь, мешает, вредно или неправильно. Но всегда ли изъятие из социального оборота спорных материалов – подходящий способ развития человека? Кто “почистит” ему пространство, когда рядом не будет взрослых, старательно защищающих его от негативного влияния общества? Или, может быть, поможет соседка, “знающая, как надо”?.. Приучая ребенка к положению подчиняющегося, со временем мы толкаем его на поиски нового покровителя – вот и все... Пока значимы для него родители, он будет полагаться на нас; в подростковом возрасте наше место займут его сверстники – и нам останется лишь примириться с этим...

Когда-то мне загадали загадку: на листе бумаги человек нарисовал прямую линию и спросил: “Как можно сделать ее короче, не прикасаясь к ней?” Я не знала. Несколько вариантов, придуманных мною, не соответствовали первоначальным условиям. Я сдалась. Тогда человек взял карандаш и начертил рядом, под этой линией, другую. Другая линия была длиннее первой, а значит, первая стала короче. Потому что свойства предмета легче всего познают в соотношении с чем-то другим. Не здесь ли лежит ответ на вопрос о способах противостояния позиции телевидения?

Вспомним заодно и древних: “Все есть яд, и все есть лекарство. Тем и другим его делает доза”. Разве различные изобретения цивилизации – телевизор или компьютер опасны сами по себе?..

На мой взгляд, оптимальной альтернативой разрушительному воздействию внешних инфлективных интерпретаций является то, что происходит на экране, и формируют у ребенка критический взгляд на любое социальное явление.

Известно, что на человека влияют не события сами по себе, а то значение, которое им придает. Человек строит свой мир в процессе его интерпретации. И, естественно, сначала события мира интерпретируются в основном родителями. Если же родители по тем или иным причинам самоустранились от этого, их место обязательно занимает кто-то другой. По результатам многочисленных соц. опросов, проводимых отечественными и зарубежными учеными, выясняется, что “другого” чаще всего зовут “телевизор”. А с ним в детский мир беспрестанно входят и боевики, и телепузики, и “Хорошо и плохо”... И задача родителей не столько оценить их в традиционных категориях: “ужасно или плохо”, сколько показать возможности, которые ребенок может использовать.

Неоднозначность оценки, знакомство со спорными явлениями развивает самостоятельность мышления, учит отбирать (отказываться) и выбирать (присваивать). Мы честно должны признаться, что не всё, что пишется в книжках, правильно, как не все поступки киногероев достойны похвалы. И вновь и вновь обращать внимание ребенка на то, что он должен пытаться смотреть на явления как минимум с двух сторон, ибо “Кочка сидения определяет точку зрения”.

Есть ли у нас сегодня такая возможность? Безусловно, да. Мы можем переключить телеканал и сравнить новости в интерпретации (одной) разных телекомпаний. Мы вполне можем сравнить Чебурашку с телепузиком, Кота Матроскина и Покемонов. Интересно/полезно у каждого из них? На мой взгляд, главная наша задача – дать ребенку в руки инструменты для самостроительства и рассказать о свойствах тех или иных составляющих. Как говорится, “Огласите весь список, пожалуйста!” Отлично, если и сами взрослые не будут отдышать только с помощью телевизора, а покажут ребенку иной мир, скрытый от интереса телекамер...

Почему мы этого не делаем? Потому что это трудно. Потому что для этого нужно замечать и обсуждать с ребенком все, что происходит вокруг. Нужно выражать не только свою позицию (или интерпретацию чужой), но и соотносить ее с его мнением. А еще – позволить ребенку не соглашаться с нами или с теми, кто, по его мнению, не прав. Безусловно, и последствия за свой выбор ребенок тоже должен нести сам. Возможно, тогда он обязательно научится отсеивать информационную шелуху и думать своим умом. И тогда никакие СМИ ему не страшны. Потому что ваша линия окажется длиннее. |

“АПОКАЛИПСИС” | елена дьякова
УСТАЛ | – журналист, редактор отдела “Новой газеты”,
литературный критик.

Газеты от 12 сентября рекомендуют населению читать “Апокалипсис”. Но – “Апокалипсис” устал. Устал от наших апокалиптических страхов.

Мы каменели над ним в мае 1986-го, когда над речкой Припять загорелась Звезда Польнь. А уж затем теребили многократно, переменяя Нострадамусом. (У нас были поводы. И не один...)

Но в эти именно годы, несмотря ни на что, в России (или хотя бы – в отдельно взятых “городах крепких”) жизнь стала лучше, а также веселее.

Она становилась все страшнее и все правильной. Все жестче и все холоднее. Все ближе к ежедневной норме выработки на самом деле.

Время было и остается лихорадочно догоняющим. Точно мы исподволь приняли в сердца единственный лозунг покойной КПСС: догнать Америку!

(Черно-белая, в мраморную клетку, тень Н.С.Хрущева этому, вероятно, радуется. И жестом болельщика стучит башмаком по столу заоблачной ООН).

Америка, Запад, Абендланд были – не столько реальные, из учебника географии. Сколько выдуманые нами (хотя б наполовину) – исходя из личных потребностей.

Как раз перед 11 сентября, в буколические дни, когда ведущим информационным поводом была Книжная ярмарка, из географии вышел том эссе философа и филолога Александра Эткинда “Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах” (М.: НЛО, 2001). Ее ключевой, структурной и сверхактуальной мыслью кажется цитата из забытого педагогического трактата: “Россия свободна от преубеждений, живых преданий для нее почти нет, а мертвые предания бессильны. (...) Прошедшее как бы не существует для нее (...) Она может строить участь свою обдуманно (...). Она есть белая бумага, пишите на ней”.

Свой трактат “О системе наук, приличных в наше время детям, назначаемых к образованнейшему классу” московский доктор И.М.Ястребцов, лечащий врач П.Я.Чаадаева, записал в 1833 году – почти со слов пациента.

Это нынешняя Россия – белая бумага с красным подбоем генетической памяти о революции, Гражданской войне и последующем развитии “всенародной инсценировки”. Мы от многого застрахованы – не только памятью о Госстрахе XX века, но и подсчетом его плачевных результатов. Варварская конница 1918 года могла только уничтожать. Даже “ее” элита, созданная на развалинах прежнего мира, не продержалась и трех поколений.

Россия – белая бумага. Какие наброски и подсчеты появились на ней за последние 10-15 лет?

Через несколько страниц после цитаты из доктора Ястребцова Эткинд вводит в текст замечательное, собственной выделки понятие: локрымакс.

Локрымакс отчасти противоположен симулякру Бодрийера. Симулякр – полуживая “действующая модель” явления, потерявший смысл и энергетику. Напротив, “Локрымакс есть тяга субъекта к “настоящему” и отрицание им собственной жизни как “неподлинной”. Локрымакс непременно ведет к размножению симулякров: чем сильнее вера в недоступную подлинность Другого, тем чаще явления собственного мира признаются фальшивыми и пустыми”.

О “явлениях собственного мира” и их подлинной цене – иной разговор.

Но вот тяга к “чужому настоящему” в эти 10-15 лет была в России просто ракетной! Мы успели так измениться по сравнению с москвичами образца 1980-х, что стало казаться: новая нация складывается на глазах. Именованная ее логичней всего “.ru”. После нашего сентиментального, трагического, худосочного, болтливое, расхлябанного, смекалистого, а то и гениального прошлого поставлена точка. Жесткая, как кулак. Прочная, как расстрельная стенка.

А полувыведанная Америка стала в эти годы главным локрымаксом.

От эпизодии до Силиконовой долины, от фитнеса до 14-часового рабочего дня, от пиара до энергичной трэвел-старости, от “стрессоснимательных” романчиков (с неперменной “энергетикой Манхэттена”) и рождественским катком с елками у Всемирного торгового центра) до фондов Сороса и Форда, от улыбки “чи-и-из” до системы Yandex, от поточного производства упомянутых романчиков до совершенно иной информационной наполненности качественных российских книг и оперативности газетных статей, от детских и зверских форм конкуренции до идеи разослать резюме в сто четыре фирмы, а пресс-релиз – в сто четыре газеты, отвечать на деловые письма и отправлять поздравительные...

Жилистые, закаленные памятью о “своем XX веке”, одержимые яростной энергией мировых провинциалов, мы успели что-то впитать.

И пока впитали больше хорошего, чем худого. Не столько культ Микки-Мауса, сколько драйв Билла Гейтса. В конце концов – простейшую заповедь прагматика: встать рано и работать.

И инструментарий к ней. Начиная с чистых ботинок и улыбки “чи-и-з”.

Мы стали неизмеримо меньше рассуждать о смысле жизни, да.

Но – и неизмеримо реже на нее жаловаться.

Террористы-камикадзе, яростно увеча башни Всемирного торгового центра, стеклянно-стальные, с электронными жилами фаллосы Западной Цивилизации, – были именно по этому локрымаксу. Тысячи нью-

йоркцев под завалами (о которых сейчас думаешь – как в 1999 году о жителях улицы Гурьянчика), – япи, трудоголики, честолюбцы, сторонники здорового образа жизни, интернетчики и аналитики, выпускники Гарварда и Стэнфорда, американские дети, “назначенные к образованнейшему классу”, сотрудники крупнейших компаний 26 стран были (на расстоянии особливо) – воплощением данного локрымакса. Пресловутая “энергетика Манхэттена” – ноосфера их энергетики, их честолюбия, их тщеславия, их азарта, их снобизма etc.

Что и поставило их, именно этих вот под удар. Слепой и неотвратимый, как самосуды в русских теплушках 1918 года.

Список фирм, сотрудники которых остались под руинами WTC, опубликован в “Ведомостях”. Он выглядит, как надпись на обелиске: “Dow Jones&Co”, “Morgan Stanley”, “Charna Chemi-cals”, “Euro Brokers”, “Word Trade Club”, “Wall Street Planning Assoc.”, “Bank of Taiwan”... И еще десятки.

Били по Вавилонской башне? Наверно, так.

Но били ведь и по 107-му чуду света.

Били – хуже и страшнее, чем по Зимнему дворцу.

Били – по вневексовому принципу “встать рано и работать”.

В вышеупомянутой книге “Толкование путешествий” среди десятков персонажей, связанных с проблемой “русско-американского культурного взаимодействия XVIII-XX вв.”, есть дама по имени Айн Рэнд. По данным А.Эткинда, любимая писательница Алана Гринспена и Хиллари Клинтон.

Ее романы “Источник” (1943) и “Атлас расправляет плечи” (1957), ее книга “За нового интеллектуала” (1961) – жесткий и яростный манифест, в котором “строитель капитализма” – культовый герой нового мира.

Автор благословляет поколение интеллектуалов будущего, свободное от “левых” иллюзий. Оно “воссоединится с бизнесом, оставит мистику, поверит в силу разума, признает ответственность идей за события, например, за экономическое развитие”. Герой романа “Атлас” – в антиутопической Америке, почти поглощенной социализмом, объявляет “национальную забастовку собственников, менеджеров и инженеров”.

“Теперь, когда мы перестанем работать, мир станет совсем таким, каким вы хотели его увидеть. ...Нет ничего более морального, чем рациональность и хороший счет; и нет ничего более аморального, чем мистические призывы ко всеобщему благу, подкрепляемые инфляцией. ...Я не испытываю вины за свое знание”, – говорит герой.

В мире, где “они” перестали работать, были уничтожены физические, бежали прочь, сломались или пошли ногами вперед по делу Промпартии, – Айн Рэнд (1905-1982), она же Алиса Розенбаум, дочь петроградского аптекаря, бежавшая из СССР в 1926 году, – уже когда-то жила. Именно память о юности в ленинской России сделала ее правый радикализм столь неистовым и твердым.

В дни когда под руинами WTC замолчат последние мобильники вымечтанных ею “новых интеллектуалов” и красный петух непонятного происхождения гуляет по брошенному зданию “Ameriken Expresse”, принцип “встать рано и работать”, программа Windows и улыбка “чи-и-з”, и даже нехитрая мудрость журналичкова, призывающих потребителя покупать витамины и тренажеры, силы не потеряли. Видимо, иного пути нет.

Если “они перестанут работать”, если мы, когда-то выброшенные из этого десятилетнего мира взрывом социальной зависти и ненависти в теперешние “рабочники одиннадцатого часа”, опустим руки, станет возможно неблагоприятное будущее мальчиков-антиглобалистов.

“Мистические призывы ко всеобщему благу” всегда начинаются с воспитанных детей – хоть Софью Перовскую вспоминая, хоть поэта-террориста Каляева, хоть карьеру А.Ф.Керенского, начатую очень удачно и благородно – парламентским расследованием Ленского расстрела. Продолжение помнят все.

...Как в России сто лет назад – передел обещает быть черным. Бессмысленным и беспощадным дележом и уничтожением прибавочной стоимости чужой пунктуальности, конкурентоспособности и трудоголизма.

И понижением качества человеческого материала. На века.

Что символизировали эти башни для мира? В известном смысле слова – п л а н к у. (Не только планку рейтинга или банковского счета, отнюдь.)

Планку, к которой можно тянуться. А можно, изловчась в ярости, переломить ее о колено. Чтоб не отсвечивала так нагло на горизонте.

И тогда можно декретом установить ту, до какой сами допрыгиваем.

Достоевский гениально сформулировал этот механизм в “Подростке”, в письме пожилого чиновника к социально ущемленному мальчику-бунтарю:

“И таких, как вы, юношей немало, и способности их, действительно, всегда угрожают развиться (...) в затанное желание беспорядка.

(...)Прежде, в довольно недавнее прошлое (...) этих интересных юношей можно было и не столь жалеть, ибо в те времена они почти всегда кончали тем, что примыкали к высшему культурному слою и сливались с ним в единое целое. И если, например, и сознавали в начале дороги всю беспорядочность и случайность свою (...), то тем даже и лучше было, ибо уже сознательно добивались того потом сами и тем самым приучались его ценить. Ныне уже несколько иначе – именно потому, что примкнуть почти не к чему”.

Мы, русские конца XX века, выросшие в пространстве, где были снесены свои планки, разрушены свои фундаменты качества труда и объема знаний, искали их в последние десять лет на Западе. И вот за это – ему спасибо.

..Но в XX веке этот Абендланд-Локрымакс казался неуязвимым и вечным.

А что теперь? После комет, демонстраций в Генуе и удара по WTC?

Россия, не было дивилгопанная и уж совсем не богатая, опутанная госдолгом, не входящая (и не дай ей бог теперь!) в число стратегических партнеров США, понесла цветы и восковые свечи к стенам посольства Америки. В Хургаде российский турист вступил в драку с пляшущим от счастья местным жителем. Карнавалов, как на Бруклине, у нас не было даже близко.

Видимо, мы сделали цивилизационный выбор. Семнадцатый год научил нас многому. К стану ликующих не примкнули (хотя по доходам на душу населения и условиям жизни за 101-м км от г. Москвы, может, и могли б).

Но никто в XX веке не вкусил плодов социальной зависти, ненависти и черного передела, так полно, как мы. Похоже, сформирован иммунитет.

Но как судить о внутренней прочности “цивилизованного мира”?

Месяца четыре назад впервые на русском языке вышел роман Тома Вулфа “Костры амбиций” (М.: Иностранка; БСППРЕСС, 2001. Пер. И.Бернштейн). Том Вулф – столп американского “нового журнализма” 1960-х-1970-х. Проницательный наблюдатель. Явный япи. Но очень талантливый. Не искушенный и не превращенный трудовыми подвижками в типографскую машину. “Костры амбиций” – огромный, обстоятельный, вероятно, документальный роман о Нью-Йорке конца 1980-х. Автор ставит диагнозы городу, паппириу “Большое Яблоко” в разных областях – от Парк-авеню до Бронкса. Вывод неутешительный: яблоко подгнивает и изъедено изнутри.

Лучше б диагнозу быть ошибочным... Но вот, например, кризис “виртуальной” экономики ценных бумаг в “Кострах амбиций” был предсказан.

Шерман Мак-Кой, герой Вулфа, – белый, англосакс, протестант. Выпускник Йейля, сын, внук, праправнук выпускников Йейля. Специалист номер один по операциям с ценными бумагами уолл-стритовской фирмы “Пирс-и-Пирс”. Фирма занимает 50-53-й этажи в некоем знаменитом небоскребе.

“Лай сварды образованных белых мужчин, взявших след добычи”, лихорадка рабочего дня гарвардской и стэнфордских выпускников, безумные прибыли, вездесущие для нервического пляска биржевого курса, и безумные траты (“Забребай сейчас!” – этот девиз сжигает сердца, подобно миокардиту”, – пишет Вулф), ирреальный сизифов труд “Властителей Вселенной” с 50-го этажа небоскреба на Уолл-стрит – все описано у старшателей реалностью.

“Американская трагедия” Вулфа – камерная. Без вселенских потрясений. Теперь она кажется пророческой притчей. Героя губит один неверный поворот руля. Тайно встретив тайную подружку в аэропорту Кеннеди, Шерман Мак-Кой по ошллке везжает в потоке вечернего трафика в Бронкс, где на милая труппочка, свалки, гаражи, бетонные ограждения, мусорные баки, брошенные обветшавшие многоэтажки. Темнокожие юнцы с цепями маячат в горчичном свете фонарей. И ни одна дорога не ведет в Манхэттен.

Случайно “мерседес” финансиста попадает из “своего” Нью-Йорка в джунгли чужого. Случайно темнокожий школьник из семьи, герически благополучной для этого квартала, останавливается поглазеть, как соседские парни будут ловить на дороге этого лохов с грудой багажа. Случайно лимузин уважаемой парочки, впавшей в слепую панику, задевает подростка.

Далее – случайностей нет. Мальчик обречен стать жертвой казенного гуманизма налогоплательщиков, то есть бесплатной медицины Бронкса.

Мак-Кой будет разорен и обеславлен, превращен в бомжа. Потому что на нижних ступенях “социальной лестницы” Нью-Йорка толпятся тысячи людей, для которых этот случай – средство самоутверждения и вытравки колыбеля.

Вулф показывает без пафоса, какие густые и взрывоопасные поля страха, тщеславия, комплексов, ярости и ненависти копятя под автострадами, газонами и пустырями Нью-Йорка 1987 года. Призрачна “экономика акций”, которой служит Шерман. Призрачна твердость фамильного подбородка Мак-Коя – потомство тех, кто создал Америку, утратило бойцовские качества отцов.

И вот это, наверное, – самый страшный мотив романа. Теперь особенно.

“Тупищу! Скоты! Дураки скудоумные! ...Не понимаете? Думаете, этот город по-прежнему ваш? Разуйте глаза! Величайший город XX века! Никакими деньгами вам не удержать его в своих руках.

Спуститесь на землю из кооперативных апартаментов, юристы и бизнесмены. Внизу давно уже Третий мир. Внизу – пуэрториканцы, вестиндцы, тайтание, доминиканцы... албанцы, сенегальцы... Ривердейл – это как бы последний плацдарм. И Пелам-парквей – свободный коридор до Вестчестера. ...Вы не задумывались? ...Думаете, будущему не пройти к вам по мосту?”.

Нервный узел всей книги – здесь. И данный эпизодический герой, мэр Нью-Йорка, залепанный и заброшенный банками майонеза на митинге в Гарлеме, – лицо вполне реальное.

Лучшие сцены романа Вулфа наверняка выросли из его же репортажей. Из того, что политкорректность не позволил сегодня сказать без флера “художественной прозы”. Или не позволял до 11 сентября 2001 года?

По Тому Вулфу, под выделанной и ухоженной почвой США-1987 уже клубился какой-то свой “этнический” Семнадцатый год.

Со своим кругом слепоты, со своей обреченностью и ограниченностью благодушных, с дурной закономерностью ошибок власти и общества. С огромной социальной лестницей “крайних” – тех, кто понимает, что будет врагом и жертвой бунтующих юнцов с цепями завтра.

Но сегодня – бездействует в страхе. Или подливает масла в костер, не в силах противостоять искушению испустить свои малые социальные обиды.

И вся эта партизанская цепочка “англосаксов, нетко безденежных”, “белых, но не англосаксов”, “работающих черных” и проч. – жестко прописана.

На русский переведены и главы из книги французского философа Э.М.Чорана “Разлад” (1979), в которой похищены диагнозы поставлены французы Парижу.

И – самое страшное – панические метания президента США, наигранный пафос и безумный список стран, по которым следует бить, чем-то очень напоминают поведение в романе Шермана Мак-Коя другого мальчика из очень хорошей американской семьи. Именно в тех главах, где у него (при наличии опыта и силы духа) еще были шансы как-то уцелеть.

И все же не будем поминать всеу Апокалипсис. Будем читать поминутно обновляемый Интернет. Будем внимательно, без сочувствия, но с пометами на полях, читать Маркузе, предсказавшего, что самой страшной революцией будет революция Третьего мира. И будем надеяться, что у нашего мира есть еще запас прочности. И возможности изменяться не апокалиптическим образом. ...Не так, чтоб вилоть до нового неба и новой земли. Ибо прежние прошли.

Книга философа Александра Эткинда “Толкование путешествий” вышла в свет примерно 6 сентября 2001 года. 9 - 10 сентября “интертекстуальные очерки” читались взахлеб. |

ПРАВО НА ГНЕВ | *фазиль искандер*

Эту собаку я много раз видел, проходя по одной из улиц нашего поселка. Крыльцо дома, который она сторожила, находилось примерно в метре от забора. Каждый раз, почуяв, что кто-то проходит по этой малолюдной улице мимо ее дома (забор был глухой), она с лаем взбегала на высокое крыльцо, вскакивала передними лапами на перила и с такой яростью облаивала прохожего, что, казалось, вот-вот перемахнет через забор и навалится на него.

Крыльцо жалобно скрипело, когда она в лае дергалась от нетерпенья и грудью таранила перила. Это была огромная рыжая, шерстистая, как медведь, пастушеская овчарка. Не исключено, что малолюдной улице сделала именно она.

Каждый раз, проходя мимо этого дома, я испытывал, мягко говоря, некоторое неудобство. А вдруг перепрыгнет через забор? И что за неимоверная пасть!

Как-то возле дома, где жила эта собака, меня остановили две встречные старушки. Нашли, где остановить! Они были не по возрасту бодры и взволнованны.

– Вы знаете хозяина этого дома? – спросила одна из них, упрямо перекивая лай собаки.

– Нет, – сказал я, – а что?

Я подумал, что она пожалуется на собаку, гремевшую с крыльца.

– Посмотрите, какие у него яблоки! – воскликнула старушка и протянула руку в сторону забора, – во всем Подмосковье неурожай яблок, а у него ветви ломаются! Надо выяснить!

В самом деле, вершины яблонь, видневшиеся за оградой, были густо усеяны краснобокими плодами. Я впервые обратил на это внимание. Когда старушка протянула руку в сторону яблонь, лай собаки сделался особенно неистовым.

– Ветви ломаются! – с рыдающим восторгом повторили старушки хором, протянув уже две руки в сторону яблонь. Собака окончательно взбесилась.

Но старушки, потрясенные урожаем чужих яблонь, ничего не замечали. Зависть делала их бесстрашными, точно так же, как ярость собаки делала меня ненаблюдательным.

Вскоре я уехал в далекую командировку. Зимой, вернувшись домой, я однажды гулял во дворе по дорожке, вытопанной в снегу. И вдруг эта собака, как в бредовом сне, выскочила из-за дома и вышла на дорожку, по которой я гулял. Я сразу ее узнал. С другой собакой спутать ее было невозможно. Не зная, как быть, я остановился, стараясь быть неузнанным за счет зимней одежды.

Она медленно шла навстречу мне, еще не замечая меня и внюхиваясь в какие-то следы на снегу. Поровнявшись со мной, она мимоходом, небрежно, нюхнула меня и пошла дальше. Вздох облегчения. Я успел заметить, что ее длинная рыжая шерсть кое-где свалялась. Смешно сказать, но в первую минуту, когда я ее увидел, у меня мелькнула мысль, что она ищет именно меня как злостного нарушителя ее предупредительного лая.

Потом сосед рассказал мне, что ее хозяин внезапно куда-то переехал, бросив собаку заодно, надо полагать, с потрясшими воображение старушек яблонями. Почему-то мне в голову полезли вздорные мысли. Например, уехал он, успев собрать урожай яблок или так спешил, что оставил его нетронутым? Или слегка натряс на дорогу? У старушек спросить, что ли? Но где их найти? Мысль, что он сбежал как раз от этих настырных старушек, тоже пришла мне в голову, но я ее тут же отогнал. А не поспешил ли я с этим?

Одним словом, эта собака еще много раз входила в наш двор, почему-то всегда вынюхивая неведомые следы. Искала хозяина, что ли? Теперь она кормилась где придется. Возможно, сосед мой тоже ее подкармливал.

Несколько раз я видел, как наши дворовые собаки бежали за ней и облаивали ее. Впрочем, слишком близко подойти к ней они боялись. Она не отвечала им и не оборачивалась на них, продолжая идти своим непонятным путем.

Кто бы при ней ни вошел во двор, она ни разу не взлаяла, а шла своей дорогой, упорно внюхиваясь в какие-то следы.

Однажды ночью ко мне приехал мой друг. У него была своя машина. По моей просьбе он отвозил мой телевизор на починку. Войдя в дом, он поставил телевизор на тумбочку, тяжело вздохнул и сказал:

– Только вынул телевизор из багажника и пошел тропинкой в сторону твоего дома, как вдруг – страшная собака идет навстречу. Ночь. Откуда она взялась? Куда деться? Да еще в руках телевизор! Ну, думаю, если нападет, твой телевизор разобью о ее голову, и, кстати, навсегда отпадет причина починять его. Но, вижу, заметив меня, а может, поняв мое намеренье, она соскочила с тропы и куда-то уковыляла по снегу. Ну и чудище!

...Между прочим, все починяют телевизоры, но никто не починяет головы, поврежденные телевизором, – неожиданно закончил он свой монолог.

Я согласно кивнул головой и улыбнулся на его последнюю реплику, ненавязчиво намекая, что моя голова еще не повреждена телевизором.

Появление собаки в нашем дворе становилось привычным. Однажды мы с ней еще раз встретились на той же тропе. На этот раз она почему-то более внимательно обнюхала меня. Мне стало ее жалко. Я осторожно погладил ей голову, а потом стал почесывать ее неимоверную холку.

И вдруг она покорно брякнулась на спину, приподняв свои могучие, сейчас блаженно расслабленные лапы. Она явно ожидала, что я приласкаю ее. Я приподнял ногу и стал почесывать ей брюхо. Она заурчала от удовольствия. Возможно, так ласкал ее хозяин. Я довольно долго почесывал ей брюхо, чувствуя ее удовольствие и от этого сам испытывая удовольствие.

И вдруг моя нога, стоявшая на ледяной тропе, поскользнулась, я потерял равновесие и невольно ногой, почесывавшей собаку, резко наступил ей на лапу. Она взвыла, вскочила и побежала от меня, продолжая выть, и, главное, несколько раз недоуменно оглянулась на меня.

Никогда не забуду ее недоуменные оглядки! Нельзя делать добро, стоя на одной ноге! Надо было нагнуться и почесать ей брюхо рукой. Но очень уж она была грязная.

И это та страшная собака! Она не зарычала от неожиданной боли, не вцепилась в мою ногу, а только взвыла и побежала. Видимо, потеряв хозяина, она поняла, что потеряла право на гнев.

Я хотел в знак примирения в следующий раз устроить ей пиршество, но, увы, больше она в нашем дворе не появлялась. |